

Снежная девочка

Автор:

Хавьер Кастильо

Снежная девочка

Хавьер Кастильо

Ток. Мировой бестселлер

Будущий хит NETFLIX.

Испанский Стивен Кинг.

Продано более 1 000 000 книг. Самый читаемый роман о похищении.

Идеальный триллер, который меняет правила жанра.

Нью-Йорк. 1998 год. Парад в честь Дня благодарения. Аарон Темпелтон всего на секунду выпустил руку своей дочери. В следующее мгновение ее уже не было рядом. Полиции удалось найти лишь одежду и отрезанные волосы девочки. Никаких следов. Никаких улик. Ни одного свидетеля. Кира как будто растворилась в воздухе. История наделала много шума в СМИ, и начинающая журналистка Мирен Тригс взялась за собственное расследование.

2003 год. Ровно пять лет с момента загадочного исчезновения девочки. Убитые горем родители получают странную посылку: кассета с минутной видеозаписью, на которой подросток Кира играет в незнакомой комнате. И опять сенсация в газетах и на телевидении. Мирен с новыми силами берется за расследование, ставшее частью ее самой. Неожиданно девушка обнаруживает, что их с Кирой судьбы полны схожих загадок.

Книги Хавьера Кастильо стали издательским феноменом в Испании, Италии, Мексике, Колумбии, Аргентине, Португалии, Турции, Сербии, Болгарии, Польше, Чехии, Японии и Южной Корее.

«Хавьер Кастильо, несомненно, новое явление в европейской литературе». –
Жоэль Диккер

«Испанский Стивен Кинг». – ABC

«Роман Хавьера Кастильо захватывает с первого момента». – El Pa?s

«Триллер в романтических тонах, который цепляет с самого начала». – Elle

«Поразительное умение владеть словом, являющееся гарантом литературного
качества автора». – Zenda Libros

Хавьер Кастильо

Снежная девочка

Тебе, бабушка:

хотя ты никогда это не прочитаешь,

ты, конечно, сможешь это почувствовать.

И тебе, мама,

за то, что стала для меня

примером во всем

Быть может, кто-то не хочет знать,

что даже у самой прекрасной розы есть шипы

Javier Castillo

LA CHICA DE NIEVE

© 2020, Javier Castillo Pajares

© Никишева К.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Никогда не предугадать, как зарождается самое страшное.

Нью-Йорк 26 ноября 1998

Грейс подняла взгляд и ненадолго отвлеклась от завораживающего зрелища парада в честь Дня благодарения. Ее дочь, сидящая на шее у отца, светилась от счастья. Грейс смотрела, как та весело болтает ногами, а руки мужа крепко сжимают ее голени – недостаточно крепко, решит потом женщина. К ним на огромных санях приближался улыбающийся Санта-Клаус из универмага «Мэйсис», и Кира то и дело указывала на что-нибудь пальцем и взвизгивала от счастья при виде гномов, эльфов, гигантских имбирных человечков и мягких игрушек во главе процессии. Шел дождь. Легкая и тонкая пелена воды мочила плащи и зонтики, и капли эти походили на слезы.

– Там! – закричала девочка. – Там!

Аарон и Грейс проследили за пальцем Киры, указывавшим на белый гелиевый шар, который парил среди облаков и уменьшался, пролетая между небоскребов Нью-Йорка. Затем Кира с предвкушением посмотрела на мать, и Грейс поняла, что не сможет ей отказать.

На углу улицы стояла женщина в костюме Мэри Поппинс с зонтиком и охапкой белых воздушных шариков, которые она раздавала всем желающим.

– Хочешь шарик? – спросила Грейс, заранее зная ответ.

Девочка не ответила от переполнявших ее эмоций. Замирая от счастья, она открыла рот и кивнула. На щечках появились ямочки.

– Но Санта уже рядом! Мы его пропустим! – возразил Аарон.

Кира снова улыбнулась, обнажив небольшую щель между зубами, где часто застревала еда. Дома их ждал морковный торт в честь завтрашнего дня рождения дочери. Аарон вспомнил об этом и согласился.

– Ладно, – сдался мужчина. – Где нам раздобыть шарик?

– Мэри Поппинс раздает их на углу, – нервно ответила Грейс. Вокруг сгущалась толпа, и тишина предыдущих нескольких минут начала таять, словно масло внутри индейки, которая ждала их этим вечером на ужин.

– Кира, останься с мамой, чтобы никто не занял наше место.

– Нет! Я хочу Мэри Поппинс!

Аарон вздохнул, и Грейс улыбнулась, понимая, что снова уступит.

– Надеюсь, малыш Майкл будет не таким упрямым, – добавил Аарон, поглаживая намечающийся животик жены. Грейс была на пятом месяце: вначале она считала это безрассудством, учитывая возраст дочери, но теперь с нетерпением ждала появления ребенка.

- Вся в отца, – засмеялась она. – С этим не поспоришь.

- Ладно, малышка, пойдём за шариком!

Посадив дочь поудобнее, Аарон стал пробиваться сквозь нарастающую толпу к углу. Через несколько шагов он обернулся к Грейс и крикнул:

- Ты не боишься остаться тут одна?

- Нет. Не задерживайтесь, Санта уже близко!

Кира снова широко улыбнулась матери с плеч Аарона, ее лицо буквально светилось от радости. Годы спустя Грейс будет находить в этом утешение, попытается убедить себя, что пустота в душе не так темна, боль не так сильна, а горе не так удушает: когда она в последний раз видела дочку, та улыбалась.

Рядом с Мэри Поппинс Аарон опустил Киру на землю: этот поступок он никогда себе не простит. Мужчина то ли решил, что так она будет ближе к актрисе, то ли, что он опустится рядом с ней на корточки для поддержки, а Кира сама попросит шарик. Люди действуют из лучших побуждений, даже если те могут иметь наихудшие последствия. Звуки оркестра смешивались с криками толпы, сотни рук и ног с трудом пробивались по обе стороны от них, и взволнованная девочка крепко сжимала ладонь отца. Она протянула другую руку к женщине в костюме Мэри Поппинс, и та произнесла слова, навсегда застрявшие в памяти отца, который вот-вот должен был потерять самое ценное:

- Не хочет ли прелестная девочка ложку сахара?

Кира засмеялась и легонько фыркнула – звук, который Аарон запомнит как нечто среднее между хихиканьем и заливистым смехом. Такие мелочи остаются в памяти, и вы пытаетесь удержать их любыми способами.

Это был последний раз, когда он слышал ее смех.

В тот самый момент, когда Кира хрупкими пальчиками схватила нитку воздушного шара, который протягивала ей Мэри Поппинс, раздался еще один взрыв красного конфетти и восторженный крик детей вокруг. Родители и

туристы начали нервно суетиться, толкаясь во всех направлениях.

А потом случилось неизбежное, пусть даже позднее Аарон думал, что за те две короткие минуты, когда все случилось, в его силах было изменить многое: например, взять шарик самому, или настоять на том, чтобы остаться с Грейс, или даже подойти к женщине справа, а не слева.

Аарона кто-то толкнул, и, пошатнувшись, он споткнулся об ограду вокруг дерева на углу 36-й улицы и Бродвея. В это мгновение мужчина в последний раз чувствовал прикосновение пальцев дочери: их тепло, мягкость, то, как ее маленькая ручка обхватила его указательный, средний и безымянный пальцы. Их ладони разъединились, и Аарон еще не знал, что это навсегда. Он всего лишь споткнулся, но при падении задел других людей, и вместо секунды на подъем ушла целая минута: толпа, уступая дорогу парадной процессии, то пятилась назад, то возвращалась обратно на тротуар, наступая ему на руки и ноги. Распростертый на земле, Аарон сдавленно крикнул:

– Кира! Не двигайся с места!

И ему показалось, что он услышал в ответ:

– Папа!

Чувствуя боль от множества толчков и с усилием стараясь встать, Аарон понял, что Киры рядом с Мэри Поппинс больше нет. Другие упавшие смогли подняться на ноги и попытались занять свои места. Аарон снова закричал в толпе:

– Кира! Кира!

Люди вокруг удивленно оглядывались на него, не понимая, что происходит.

Он подбежал к женщине в костюме и спросил:

– Вы видели мою дочь?

– Девочку в белой куртке?

– Да! Где она?

– Я отдала ей шарик, а потом меня оттеснили. В толпе я потеряла ее из виду. Она не с вами?

– Кира! – снова закричал Аарон, не слушая дальше и озираясь вокруг. Он высматривал дочь между сотнями ног. – Кира!

И это случилось. То, что происходит в худшие мгновения, то, что с высоты птичьего полета не составило бы труда разглядеть. Белый гелиевый шарик выскользнул из чьих-то рук, и Аарон заметил его. Это было самое страшное, что могло случиться.

С трудом растолкав людей, преграждавших ему путь, он побежал туда, откуда появился шар, прочь оттуда, где стоял, с воплем:

– Кира! Дочка!

Мэри Поппинс тоже закричала:

– Потерялся ребенок!

Когда Аарон наконец добрался до здания банка, откуда улетел белый шарик, то заметил мужчину с дочкой с двумя кудрявыми косичками, смеявшимися над исчезающим в небе шариком.

– Вы видели девочку в белой куртке? – в отчаянии спросил их Аарон.

Мужчина обеспокоенно посмотрел на него и покачал головой.

Аарон не прекращал искать. Он в отчаянии добежал до угла, расталкивая всех на своем пути.

Вокруг роились тысячи людей; их ноги, руки и головы загораживали ему обзор. Он чувствовал себя таким потерянным и беспомощным, что его сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Рев труб в процессии Санты казался Аарону пронзительным звоном, заглушавшим его крики. Люди все больше грудились

вокруг, Санта хохотал, сидя в санях, и каждый хотел увидеть его поближе.

– Кира!

Он протиснулся поближе к жене, чье внимание было полностью поглощено какими-то гигантскими имбирными печеньями, исполняющими гротескный танец.

– Грейс! Я не могу найти Киру, – выдохнул он.

– Что?!

– Я не могу найти Киру! Я опустил ее на землю и... потерял ее. – Голос Аарона дрогнул. – Я не могу ее найти.

– Что ты такое несешь?

– Я не могу ее найти.

Отрешенность на лице Грейс уступила место замешательству, а на смену ему пришла паника, и наконец она закричала:

– Кира!

Они оба кричали во все горло, и все стоявшие рядом присоединились к ним в поисках их дочери. Процессия тем временем равнодушно продолжала свой путь: Санта-Клаус улыбался и махал рукой детям, сидевшим на родительских плечах, пока не добрался до Геральд-сквер, где официально объявил о начале рождественских праздников.

Но жизнь Аарона и Грейс, которые сорвали голос и вложили всю душу в поиски дочери, навсегда изменилась лишь час спустя.

Несчастье всегда ищет тех, кто способен его принять.

Мечь же ищет тех, кто не способен этого сделать.

Мирен Триггс 1998

Я впервые услышала об исчезновении Киры Темплтон, когда училась в Колумбийском университете. У входа на факультет журналистики я взяла один из многочисленных экземпляров «Манхэттен пресс», которые раздавали студентам в попытке заставить нас мечтать о великом и учиться у лучших. Я проснулась рано: мне снова снился кошмар, в котором я бежала по пустынной улице Нью-Йорка, спасаясь от одной из своих теней. Приняла душ и собралась еще до рассвета. В университете коридоры факультета были еще пусты. Так они мне нравились гораздо больше. Слишком тошно было проходить мимо незнакомых людей к аудитории, чувствуя на себе их взгляды и шепот. Для них я превратилась из Мирен в «Ту, что...», а иногда даже в «Тсссс, тихо, а то она нас услышит».

Порой мне казалось, что они правы и у меня больше нет имени, будто я стала лишь призраком той ночи. Смотрясь в зеркало и выискивая что-то в глубине своих глаз, я всегда спрашивала себя: «Ты все еще там, Мирен?»

Тот день был особенно странным. Со Дня благодарения прошла неделя, когда лицо маленькой Киры Темплтон оказалось на первой полосе одной из самых читаемых газет на планете.

Заголовок в «Манхэттен пресс» от 1 декабря 1998 года гласил: «Вы видели Киру Темплтон?», а фотографию сопровождала подпись: «Подробности на странице 12». Девочка выглядела немного удивленной; ее зеленые глаза смотрели на что-то за камерой, и именно такой ее навсегда запомнила вся страна. Лицо Киры напомнило мне саму себя в детстве, а ее взгляд – меня взрослую. Такая уязвимая, такая слабая, такая... сломленная.

71-й парад «Мейсис»[1 - Парад «Мейсис» – один из ежегодных, крупнейших в мире парадов, проводимый в Нью-Йорке в честь Дня благодарения.] в 1998 году запомнился Америке по двум причинам. Во-первых, это был парад, который

считается теперь лучшим в истории: четырнадцать оркестров, выступления «NSYNC»[2 - NSYNC – американский бой-бэнд, в который входили Джастин Тимберлейк, Джей Си Шазе, Крис Киркпатрик, Джоуи Фатон и Лэнс Бас.], «Бэкстрит бойз», Мартины Макбрайд, флешмобы сотен мажореток[3 - Мажоретки – девушки в военной или подобной военной форме, участвующие в парадах.], а также появление всего актерского состава «Улицы Сезам» и бесконечная процессия клоунов-пожарных. За год до этого шествие было испорчено сильным ветром. Из-за воздушных шаров пострадали люди, произошел инцидент с надувным розовым динозавром Барни, которого пришлось разрезать нескольким зрителям, чтобы спустить его на землю. Все это было настолько нелепо, что организаторам пришлось как следует потрудиться над восстановлением испорченной репутации мероприятия. Ни один родитель не возьмет детей на парад, где их малыша может придавить Барни или поросенок Бейб высотой в пять этажей. Лучшие организаторы взялись за устранение любых возможных опасностей. Парад 1998 года должен был пройти без изъянов. На высоту и размер надувных фигур ввели ограничения, в результате чего гигантский дятел Вуди навсегда исчез. Для управляющих фигурами ввели углубленные курсы подготовки. Зрелище было настолько завораживающим, что даже сегодня, почти двадцать лет спустя, вся страна помнит огромную процессию в голубых одеждах, следующую за Санта-Клаусом до самого конца на Геральд-сквер. Все прошло идеально. Парад имел настоящий успех, если не считать того, что именно в этот день Кира Темплтон, девочка, которой не исполнилось и трех лет, исчезла среди толпы, как будто ее никогда не существовало.

Мой преподаватель расследовательской журналистики Джим Шмоер опоздал на занятие. В те времена он работал главным редактором «Уолл-стрит дэйли», деловой газеты, освещающей общественно-политические события. По всей видимости, Шмоер провел утро в городском архиве в поисках каких-то старых документов. Встав перед аудиторией, он с раздраженным видом высоко поднял газету и спросил:

– Как вы думаете, для чего они это делают? Зачем, по-вашему, помещают фотографию Киры Темплтон на первой полосе с таким лаконичным заголовком?

Сара Маркс, прилежная студентка, сидевшая на два ряда впереди меня, громко ответила:

– Чтобы мы все могли узнать ее, если увидим. Это может помочь найти девочку. Если кто-то увидит и узнает ее, то сможет поднять тревогу.

Отрицательно покачав головой, профессор Шмоер указал на меня:

– Что скажет мисс Триггс?

– Как это ни печально, они поступают так, чтобы продать больше газет, – уверенно сказала я.

– Продолжайте.

– Судя по тому, что я прочла в новостях, она исчезла неделю назад на углу Геральд-сквер. Тревога была поднята мгновенно, и после окончания парада девочку искал весь город. В статье говорится, что эта фотография уже была в новостях в ночь после парада, а на следующее утро ее первым делом показали на «Си-би-эс». Через два дня лицом Киры обклеили все фонарные столбы в центре Манхэттена. Газета опубликовала снимок сейчас, неделю спустя, не для того, чтобы помочь, а чтобы поживиться на волне нездорового ажиотажа.

Профессор Шмоер отреагировал не сразу.

– Видели ли вы эту девочку раньше? В ночных или утренних новостях?

– Нет, профессор. У меня нет телевизора, и я живу на севере, в Гарлеме. Там на фонарях не расклеивают лица богатых детей.

– И что из этого следует? Они не выполнили свою задачу? Не помогли вам опознать ее? Вы не думаете, что это просто попытка увеличить шансы найти ее?

– Нет, профессор. Хотя... отчасти да, но вообще нет.

– Продолжайте, – попросил он, зная, что я уже пришла к нужному ему выводу.

– Они упомянули, что ее лицо уже показывали на «Си-би-эс», потому что не хотят, чтобы их осуждали за то, что они наживаются на поисках девочки, хотя так оно и есть.

– Но теперь вы знаете Киру Темплтон в лицо и можете присоединиться к ее поискам.

– Да, но это не было конечной целью. Их цель – продать газеты. «Си-би-эс», возможно, и правда хотели помочь. Но теперь они как будто пытаются растянуть это дело, нажиться на событии, пробудившем общественный интерес.

Профессор Шмоер обвел аудиторию взглядом и неожиданно для меня зааплодировал.

– Именно так все и было, мисс Триггс, – он кивнул, – и я хочу, чтобы именно так вы и рассуждали. Что стоит за историей, которая попадает на первые полосы газет? Почему одно исчезновение важнее другого? Почему вся страна сейчас ищет Киру Темплтон? – Выдержав паузу, Шмоер продолжил: – Все присоединились к поискам Киры Темплтон, потому что это выгодно.

Это был упрощенный взгляд на произошедшее, не буду отрицать, но именно этот случай и привел меня к делу Киры.

– Самое грустное – и вы скоро в этом убедитесь – то, что СМИ присоединяются к поиску по своим соображениям. Вы думаете, историю следует опубликовать, потому что она несправедлива или трагична, но на самом деле единственный вопрос, который задаст редактор вашей газеты: продадим ли мы больше экземпляров? Этим миром управляет выгода. Семьи обращаются за помощью к СМИ по той же причине. В конце концов, громкие дела полицейские расследуют тщательнее, чем малоизвестные. Это факт. Очередному политику нужно склонить общественное мнение на свою сторону, и это единственное, что его волнует, – тогда круг замыкается. Все заинтересованы в продвижении этого вопроса: одни – чтобы заработать деньги, другие – чтобы вернуть надежду.

Я молча злилась. Как и все остальные наверняка. Это не утешало. Это вызывало отчаяние. Затем, словно Кира перестала быть новостью, Шмоер перешел к обсуждению статьи, которая уличила мэра в нецелевом использовании средств, выделенных на строительство парковочного пространства вдоль Гудзона, и под конец пары рассказал подробности расследования, в котором он участвовал: оно было связано с новым наркотиком, распространенным в пригородах и уже начинающим сеять хаос среди неблагополучных слоев населения города. На его лекциях реальность наотмашь била по лицу. Утром вы заходили туда полными

надежды, а выходили сломленными и сомневающимися во всем. Теперь, если подумать, своей цели он достиг.

Обычно перед концом лекции профессор Шмоер давал нам тему для исследования на неделю. В прошлый раз мы разбирали сексуальный скандал с участием политика и его секретарши. Однако на этой неделе Шмоер повернулся и написал на доске: «Свободная тема».

– Что это значит? – крикнул кто-то с задних рядов.

– Вы можете выбрать любую тему из сегодняшней газеты, которая вас заинтересует.

* * *

Подобные задания помогали выяснить, какие журналистские расследования удаются нам лучше всего: политика и коррупция, социальная повестка, экологические проблемы или корпоративные махинации. Один из главных сюжетов дня был посвящен возможной утечке вредных веществ в реку Гудзон: в одном из районов были обнаружены сотни мертвых рыб. Пустячное дело, и вся группа, включая меня, мгновенно это поняла. Только и требовалось, что взять пробу воды и проанализировать ее в факультетской лаборатории: это позволило бы определить, из-за какого химиката вода оказалась покрытадохлыми рыбами, будто одеялом. Затем оставалось отследить, какие химические компании, находившиеся неподалеку от реки, производят отходы или продукты, в которых присутствует это вещество, – и вуаля. Проще некуда.

Когда я вышла из аудитории, Кристина Маркс, моя соседка по парте до прошлого года и центр притяжения всех парней в группе, подошла ко мне с довольно серьезным видом. Раньше мы были подругами, но теперь от разговоров с ней меня мутило.

– Мирен, ты же пойдешь с нами взять пробу воды? Задача плевая. Ребята предлагают днем сходить к двенадцатому причалу, наполнить пробирки и пропустить потом по паре бокальчиков. И дело в шляпе. Думаю, там будет несколько симпатичных парней.

- Пожалуй, на этот раз я пас.

- Опять?

- Мне просто не хочется. И точка.

Кристина нахмурилась было, но тут же изобразила свой обычный несчастный вид.

- Мирен... ну пожалуйста... ведь прошло уже много времени с тех пор, как... ну, с того дня.

Я знала, на что она намекала, как и то, что ей не хватит смелости закончить предложение. В прошлом году мы отдалились друг от друга – вернее, это я отдалилась от всех остальных и с тех пор предпочитала быть одна, сосредоточившись на учебе.

- Та история тут ни при чем. И, пожалуйста, не надо говорить со мной так, будто я нуждаюсь в жалости. Я устала от того, что все на меня так смотрят. Всё в порядке. Хватит.

- Мирен... – ласково протянула она, будто разговаривала с дурочкой. Наверняка с детьми она использовала этот же тон, – ...я не хотела...

- Мне все равно, понятно? Кроме того, я не собираюсь расследовать утечку химикатов. Мне это вообще не интересно. Нам так редко дают выбирать, и я хочу заняться тем, что мне интересно.

Кристина выглядела раздраженной, но промолчала. Трусиха.

- И чем же?

- Займусь исчезновением Киры Темплтон.

- Этой девочки? Уверена? В таких делах очень трудно что-либо раскопать. На следующей неделе у тебя не будет ни материала, ни чего-то стоящего для профессора Шмоера.

– Ну и что? – возразила я. – Зато хотя бы кто-то займется этим делом не ради денег. Ее семья заслуживает, чтобы кто-то по-настоящему беспокоился об их дочери, а не просто старался прикрыть свою задницу.

– Никому нет дела до этой девочки, Мирен. Ты сама это сказала. Это задание, чтобы заработать дополнительные баллы, а не ухудшить оценки. Не порть свою успеваемость.

– Разве ты от этого не выиграешь?

– Мирен, не будь дурой.

– Может быть, я всегда ею была. – Я пыталась поставить точку в этом разговоре.

Так это и могло закончиться. Всего лишь неудачное недельное расследование никому не известной студентки факультета журналистики. Двойка за домашнее задание, которое никак не повлияло бы на мою итоговую оценку по РЖ, как мы называли этот предмет. Но судьбе было угодно, чтобы я обнаружила нечто, что навсегда изменило ход и итоги поисков маленькой Киры Темплтон.

Глава 3

Даже в самом глубоком из самых темных колодцев можно копнуть немного глубже.

Нью-Йорк 26 ноября 1998

Через несколько минут после исчезновения Киры Грейс позвонила в 911 с телефона Аарона и сумбурно объяснила, что не может найти свою дочь. Полиция приехала почти сразу после того, как Грейс и Аарон стали отчаянно кричать на глазах у свидетелей, срывая голос.

– Вы родители? – спросил полицейский, который пробился сквозь толпу к углу Геральд-сквер и Бродвея.

Десятки прохожих окружили родителей и полицейских, наблюдая, как рушатся жизни двух человек, потерявших самое ценное в своей жизни.

– Пожалуйста, помогите мне найти ее. Пожалуйста, – умоляла Грейс. На ее глаза навернулись слезы. – Наверное, кто-то увел ее. Она бы сама не ушла с незнакомыми.

– Успокойтесь, мэм. Мы найдем ее.

– Она совсем маленькая. И совсем одна. Вы должны помочь нам, пожалуйста. Что, если кто-то?.. О боже... а вдруг ее похитили?

– Успокойтесь. Скорее всего, она забилась от страха в какой-нибудь угол. Здесь очень много людей. Мы передадим сведения другим полицейским и поднимем тревогу. Мы найдем ее, обещаю.

– Как давно это случилось? Когда вы видели ее в последний раз?

Грейс оглянулась, увидела обеспокоенные лица вокруг и отвлеклась. Аарон вмешался, чтобы не терять времени:

– Минут десять назад, не больше. Здесь, прямо здесь. Она сидела у меня на плечах, мы пошли взять воздушный шар.... Я опустил ее на землю и... и потерял из виду.

– Сколько лет вашей дочери? Опишите ее, это поможет нам. Во что она была одета?

– Ей три годика. Вернее, исполнится завтра. Волосы... темные. Собраны в хвост, вернее, два хвостика, по бокам. Джинсы... и... кофточка... белая.

– Светло-розовая, Аарон. Господи! – резко перебила его Грейс.

– Вы уверены?

Грейс тяжело вздохнула. Она была на грани обморока.

– Светлая кофта, – исправился Аарон.

– Если прошло всего десять минут, значит, она где-то рядом. В такой толпе невозможно уйти далеко.

Один из полицейских схватил рацию и поднял тревогу:

– Внимание всем отрядам: 1065. Повторяю, 1065. Пропала трехлетняя девочка, волосы темные, одета в джинсы и светлую кофту. В районе Геральд-сквер, 36-й улицы и Бродвея. – Сделав паузу, он повернулся к Грейс, у которой подкашивались ноги. – Как зовут вашу дочь, мэм? Мы найдем ее, уверяю вас.

– Кира. Кира Темплтон, – ответил Аарон вместо Грейс: та была уже на грани срыва. Аарон чувствовал, как жена наваливается на него всем телом. Ноги отказывали ей, и с каждой секундой ему приходилось прилагать все больше усилий, чтобы удержать ее в вертикальном положении.

– Отзывается на имя Кира Темплтон. – Полицейский продолжил сообщение по рации. – Повторяю, 1065. Трехлетняя девочка, брюнетка...

Грейс больше не могла слышать описание своей дочери. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, а руки и ноги не выдерживали напряжения, проходящего по артериям. Закрыв глаза, она рухнула в объятия Аарона, а люди вокруг потрясенно ахнули.

– Нет, Грейс... не сейчас... – прошептал он. – Пожалуйста, не сейчас...

Аарон поддержал ее и нервно опустил на землю.

– Ничего, ничего... расслабься, дорогая, – прошептал мужчина на ухо жене. – Это скоро пройдет...

Грейс лежала на земле, уставившись в пустоту. Полицейские наклонились, пытались помочь. К ним подошла женщина из толпы, и вскоре Аарона окружили

зеваки.

– Это всего лишь паническая атака! Пожалуйста, отойдите. Дайте ей воздуха. Ей нужен воздух.

– С ней такое раньше случалось? – спросил один из полицейских. Другой вызвал по рации «Скорую помощь». По улице во всех направлениях шла толпа. Движение застопорилось. Санта-Клаус вдалеке все так же улыбался детям из саней. Где-то там Кира могла забиться в угол от страха, недоумевая, куда подевались родители.

– Периодически случается, черт бы их побрал. Последняя была месяц назад. Через пару минут все пройдет, но, пожалуйста, найдите Киру. Помогите нам найти нашу дочь.

Тело Грейс, до этого неподвижное, будто во сне, сотрясли легкие судороги, и люди удивленно вскрикнули.

– Это ничего. Ничего страшного. Все хорошо, милая, – прошептал Аарон на ухо Грейс. – Мы найдем Киру. Дыши... не знаю, слышишь ли ты меня сейчас... Просто сосредоточься на дыхании, и скоро все пройдет.

Спокойное лицо Грейс исказилось от страха, глаза остекленели, и Аарону оставалось надеяться, что она не поранится.

Кольцо вокруг них сужалось, и голоса советчиков перемежались с шумами полицейской рации. Внезапно люди с одной стороны начали быстро расступаться, и появилась бригада «Скорой помощи» с носилками и аптечкой. Двое полицейских примкнули к ним и оттеснили толпу, которая норовила подойти ближе.

Аарон отступил на два шага, чтобы им было удобнее, и прикрыл лицо руками. Он был на грани. Его дочь исчезла несколько минут назад, а жена переживала паническую атаку. На глазах выступили слезы. Это было тяжело. Обычно он держал себя в руках и не показывал эмоции на публике, но в этот момент он оказался в центре внимания и сдерживался до тех пор, пока слезы не пошли из глаз.

- Как ее зовут? - крикнул врач.

- Грейс! - крикнул в ответ Аарон.

- С ней впервые такое?

- Нет, иногда случается. Она лечится, но... - Ком в горле мешал говорить.

- Грейс, послушайте меня, - успокаивающим тоном обратился к ней врач. - Уже все хорошо... вам становится лучше. - Обернувшись к Аарону, он спросил: - У нее есть аллергия на какие-нибудь лекарства?

- Нет, - ответил тот глухо. Аарон не находил себе места и чувствовал себя подавленным. Его взгляд метался из стороны в сторону, сквозь ноги в толпе, в отчаянной попытке уловить взгляд Киры.

- Кира! - воскликнул он. - Кира!

Один из полицейских отозвал его в сторону.

- Нам нужна ваша помощь, чтобы найти вашу дочь. Ваша жена в порядке. Ее осматривают сотрудники «Скорой помощи». В какую больницу лучше отвезти ее? Вы нужны нам здесь.

- В больницу? Нет, нет, не нужно. Через пять минут все пройдет. Это пустяки.

Один из медиков подошел к ним:

- Нам нужно место поспокойнее. Машина «Скорой» ждет на соседнем перекрестке, и ей будет лучше прийти в себя там. Давайте мы подождем вас там? Обойдемся без больницы, если не будет осложнений. Не волнуйтесь, это просто паническая атака. Через несколько минут приступ пройдет, и, когда все закончится, ей будет нужен покой.

Внезапно насторожившись, другой полицейский прислушался к рации.

- Центральный, повторите.

Аарон, стоявший в нескольких метрах от него, не расслышал ответ, но от него не ускользнуло выражение лица полицейского.

- Что такое? Что? Кира? Ее нашли?

Полицейский, внимательно слушавший сообщение, увидел, как к нему спешит Аарон.

- Мистер Темплтон, прошу вас, успокойтесь.

- Что случилось?

- Они что-то обнаружили.

Глава 4

Лишь те, кто не перестают искать, находят себя.

27 ноября 2003 5 лет с момента исчезновения Киры

На пересечении 77-й улицы и Сентрал-Парк-Уэст в Нью-Йорке в 9.00 утра 27 ноября сотни помощников и волонтеров толпились вокруг больших надувных фигур, которые вот-вот должны были подняться с земли. Всех, кто принимал участие в запуске огромных шаров, которым предстояло пронестись по улицам Нью-Йорка и оказаться перед универсамом «Мэйсис» на Геральд-сквер, разделили на группы. Они были одеты в соответствии с персонажем, которым управляли: те, кто отвечал за полет отважного поросенка Бейба, были в розовых куртках, те, кто нес харизматичного мистера Монополия, были в элегантных черных костюмах, а те, кто сопровождал легендарного Игрушечного солдата, - в синих комбинезонах. На Геральд-сквер утро началось с грандиозного флешмоба «Америка поет» в разноцветных толстовках, а за ним

последовали выступления лучших артистов страны.

Город превратился в один большой праздник. Люди на улицах улыбались, а дети с волнением стекались к месту, где проходил парад. Даже предприниматель Дональд Трамп прилетел на собственном вертолете, чтобы передать телеканалу «Эн-би-си» вид с воздуха на процессию, шедшую по прямым линиям Манхэттена.

Исчезновение Киры Темплтон уже кануло в Лету, но осталось в подсознании города. Матери и отцы шли вплотную за своими детьми, соблюдая меры предосторожности, о которых раньше даже не задумывались. Они избегали «опасных точек» – мест наибольшего скопления людей. Перекресток Таймс-сквер, финальная точка парада у магазина «Мэйсис» и более отдаленная часть Бродвея были заполнены туристами, взрослыми и жителями соседних городов. Семьи с детьми предпочли наблюдать за происходящим неподалеку от места начала парада – с параллельной улицы Централ-Парк-Уэст. Так было безопаснее: широкая проезжая часть и тротуары исключали пробки и давку.

Было 9.53 утра, и ровно в тот момент, когда надувная Большая Птица из «Улицы Сезам» взмыла в воздух под пристальным взглядом сотен улыбающихся детей и родителей, на середину улицы ворвался пьяный мужчина, гневно крича сквозь слезы:

– Следите за детьми! Следите за своими детьми, иначе этот город поглотит их! Он поглотит их, он поглощает все хорошее, что есть на его улицах! В этом городе нельзя никого и ничего любить, иначе он отберет это, как отбирает все, что попадается ему на глаза!

Некоторые родители перевели взгляд с гигантской желтой птицы на пьяного мужчину, одетого в запятнанный костюм без галстука. У него была неухоженная темная борода и взлохмаченные волосы. Из пораненной губы стекала кровь, пачкая воротник рубашки. Глаза мужчины переполняли боль и отчаяние. Он прихрамывал – на одной ноге вместо ботинка остался только белый носок с абсолютно черной подошвой.

Несколько волонтеров подошли к мужчине, чтобы успокоить его.

– Эй, дружище, не рановато ли так набираться? – сказал один из них, пытаясь увести его в сторону.

– Сегодня День благодарения, как вам не стыдно? – сказал другой. – Уходите отсюда, пока вас не арестовали. Дети же смотрят. Ведите себя прилично.

– Мне было бы стыдно участвовать... в этом. Быть частью этой... этой машины, которая пожирает детей! – закричал пьяница.

– Секундочку... – сказал один из волонтеров, припоминая что-то. – Вы же отец той девочки, которая...

– Не смей упоминать мою дочь, ублюдок!

– Точно! Это вы... Вам не стоило приходить... сюда, – продолжил тот, стараясь проявить сочувствие.

Аарон понурил голову. Он всю ночь провел в барах, пока они не закрылись. Затем он пошел в магазинчик и купил бутылку джина, которую продавец-пакистанец согласился продать ему из жалости. Аарон одним глотком осушил треть бутылки, и его сразу же стошнило. Тогда он сел и расплакался. До начала парада «Мэйсис» и пятой годовщины исчезновения Киры оставалось несколько часов. Накануне он проснулся в слезах, как и все предыдущие годы. Аарон никогда не пил до того, как потерял дочь. Он вел правильный и здоровый образ жизни и позволял себе бокал белого вина, только когда они принимали гостей в его бывшем доме в Дайкер-Хайтс, престижном районе Бруклина. После случившегося с Кирой он ни дня не обходился без виски. Разница между Аароном Темплтоном 1998 года и Аароном Темплтоном 2003 года была разительной. Жизнь явно не была к нему благосклонна.

Заметив происходящее, подбежал полицейский.

– Сэр, вам нужно уйти, – заявил он, схватив Аарона за руку и указывая на заграждения. – Здесь могут находиться только участники шествия.

– Не трогайте меня! – крикнул Аарон.

– Сэр... пожалуйста... я не хочу вас арестовывать на глазах у детей.

Аарон повернулся и понял, что все смотрят только на него. Никого не интересовали ни гигантская тень, отбрасываемая желтой птицей, ни маячившая вдалеке фигура Человека-паука, которую готовили к взлету. Он понурил голову. Снова сломлен. Повержен в пух и прах. Эмоциональное потрясение в день парада было невыносимым, и ему оставалось только вернуться в свою новую квартиру в Нью-Джерси, чтобы проспаться и рыдать в одиночестве. Но тут полицейский дернул его за руку: худшее, что тот мог сделать.

Развернувшись, Аарон с силой ударил полицейского кулаком в лицо, сбив того с ног, под изумленные взгляды сотен детей и родителей, которые тут же начали возмущаться.

- Как так можно! - крикнул один из зрителей.

- Прочь отсюда! - завопил другой.

В лицо Аарону прилетела бутылка с водой, и он начал ошеломленно озираться по сторонам, не понимая, откуда пришел удар.

Не успел он понять, почему на него кричат и гонят прочь, как к нему подбежали еще двое полицейских и грубо повалили на землю. При падении Аарон ударился лицом об асфальт. Менее чем через пять секунд его руки уже скрутили за спиной, а наручники перекрыли прилив крови к запястьям. Не успел его мозг осознать боль - на это ушло еще две минуты - как полицейские и кто-то из волонтеров подняли его под аплодисменты окружающих, приглушенные крики и стоны самого потерявшего надежду отца.

В полицейской машине он уснул.

Час спустя Аарон очнулся уже в управлении Западного бюро Департамента полиции Нью-Йорка со скованными за спиной руками, а рядом сидел добродушный пожилой мужчина с грустной физиономией. Лицо Аарона ныло, и он скривился, пытаясь стряхнуть засохшую кровь, но это была плохая затея. Теперь заболело все.

- Плохой день? - спросил незнакомец.

- Плохая... жизнь. - Аарона мутило.

- Ну, жизнь так и останется плохой, если ничего не менять.

Аарон посмотрел на него и кивнул. На мгновение он задумался, что, кроме наручников, ничто не выдавало в его собеседнике правонарушителя. Наверное, неоплаченный штраф за парковку.

Между столами прошла темноволосая женщина и обратилась к пожилому мужчине:

- Вы мистер Родригес? - Она достала из папки листок бумаги.

- Так точно, - подтвердил тот.

- Через пару минут подойдет мой коллега из отдела по расследованию убийств и задаст вам несколько вопросов. Хотите вызвать адвоката?

Аарон шокированно посмотрел на мужчину.

- В этом нет необходимости. Я уже все сказал, - спокойно ответил мистер Родригес.

- Как угодно. Но знайте, у вас есть право обратиться к местному адвокату, когда вы будете делать заявление.

- Моя совесть чиста. Мне нечего скрывать, - улыбнулся мужчина.

- Хорошо. Скоро за вами придут. А вы у нас... Темплтон, Аарон. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Аарон неловко встал и кивнул на прощание мистеру Родригесу. Женщина шла быстрым шагом, а он держался позади, пока они не дошли до приемной.

- Вот ваши вещи. Позвоните кому-нибудь, чтобы за вами приехали.

- И все? - недоуменно спросил Аарон.

- Полицейскому, которого вы ударили, стало вас жаль. Он знает, кто вы. Видел вас по телевизору в связи с делом вашей дочерью. Он говорит, вы уже достаточно натерпелись, к тому же сегодня День благодарения. Он не стал выдвигать обвинений, и в отчете сказано, что вас арестовали только из-за буйного поведения. Это незначительное правонарушение.

- То есть... я могу идти?

- Не так быстро. Вы сможете уйти, только если кто-то заберет вас. Мы не можем позволить вам уйти одному, пока вы еще... ну, пьяны. Если хотите, можете поспать в приемной, но не советую, сегодня ведь День благодарения. Вернитесь домой пораньше, поспите, а затем поужинайте с семьей. Вас наверняка ждет вкусная еда.

Аарон вздохнул и оглянулся на место, где сидел мистер Родригес.

- Можно узнать, что он натворил?

- Кто?

Аарон кивнул в сторону мужчины.

- Он выглядит добропорядочным гражданином.

- О, так и есть. Прошлой ночью он застрелил четырех мужчин, которые изнасиловали его дочь.

Аарон сглотнул и посмотрел на мистера Родригеса с неким восхищением.

- Он, вероятно, проведет остаток жизни в тюрьме, но я его не виню. Если б я была на его месте... Не знаю, что бы я сделала.

- Но вы же работаете в полиции. Ваша задача - сажать в тюрьму плохих парней.

– Ну, именно поэтому я так и говорю. Я не особенно доверяю системе. Те, кого он убил, уже привлекались за несколько преступлений на сексуальной почве, но... вы знаете, где они были? На свободе. Не понимаю. С каждым разом я все меньше верю в правосудие. Вот почему я работаю в управлении с документами, а не ставлю свою жизнь на кон ради системы. Здесь лучше, приятель.

Аарон кивнул. Женщина достала пластиковую коробку с кожаным бумажником, ключами с брелоком в виде пса Плуто и телефоном «Нокиа 6600» и положила ее на стойку. Аарон убрал в карман бумажник и ключи и включил телефон. Он увидел двенадцать пропущенных звонков от Грейс и начал писать сообщение, но удалил, так и не отправив. Если он хочет покинуть это место как можно скорее, лучше позвонить.

Мужчина прижал трубку к уху, и через несколько секунд на другом конце слышался женский голос:

– Аарон?

– Мирен, ты можешь приехать и забрать меня? У меня небольшие проблемы.

– Что?

– Пожалуйста...

Мирен вздохнула.

– Я в редакции. Это срочно? Где ты?

– В полицейском участке.

Глава 5

Человек – это то, что он любит, но также и то, чего он боится.

Мирен Триггс 1998

В тот же день, после занятий, я решила просмотреть все, что было опубликовано об исчезновении Кире Темплтон. Не прошло и недели, но статьи и слухи о ней росли как снежный ком. Я зашла в архив университетской библиотеки и спросила у девушки за стойкой, может ли она запустить поиск по новостям, опубликованным со дня исчезновения и включающим слова «Кира Темплтон».

Помню выражение лица девушки и ее холодный ответ:

– Газет за прошлую неделю еще нет в системе. Мы пока обрабатываем 1991 год.

– 1991-й? Но ведь на дворе 1998 год. Мы живем в век технологий, и вы говорите мне, что мы отстаем на семь лет?

– Да. Мы до сих пор перестраиваемся, но вы можете просмотреть печатные версии. Их не так много.

Я вздохнула. В чем-то она была права. Разве долго придется искать новости об исчезновении?

– Можно посмотреть газеты за прошлую неделю?

– Какие? «Манхэттен пресс», «Вашингтон пост»...

– Все.

– Все?

– Национальные и штата Нью-Йорк.

Девушка в замешательстве посмотрела на меня и впервые вздохнула.

В ожидании я присела на стол, пока библиотекарьша исчезла за боковой дверью. Ее не было целую вечность, и мои мысли сами собой вернулись к той ночи. Я встала, чтобы выбросить их из головы. Какое-то время бесцельно бродила между

стеллажами, шепча на испанском названия книг испаноязычных авторов.

Услышав позади стук колес, я обернулась и увидела девушку, которая с улыбкой толкала тележку, нагруженную более чем сотней газет.

- Это все мне? - удивленно спросила я. Мне представлялась кипа поменьше.

- Это то, что вы просили, нет? Газеты за последнюю неделю. Только национальные и местные, штата Нью-Йорк. Не знаю, для какой работы это нужно, но точно не получится обойтись национальными?

- Все отлично.

Оставив у одного из столов рядом с окном тележку, она вернулась за стойку. Я схватила первую газету и начала быстро переворачивать страницы, читая заголовки. Мои глаза метались от одного к другому, как две хищные птицы, рыщущие по кустам.

Существует несколько способов поисков источников для исследования, и выбор того или иного зависит от вашей интуиции и изучаемой темы. В одних случаях лучше всего обратиться к полицейским архивам, в других - к муниципальным или национальным реестрам. Иногда ключевые подсказки дает свидетель или осведомитель, но зачастую это чистый инстинкт. Искать, копать, собирать каждую крупницу информации, которая может оказаться полезной. С делом Киры Темплтон я искала на ощупь. Было еще рано пытаться получить досье о ее исчезновении, и, кроме того, ни один агент ФБР не осмелился бы поделиться информацией со студенткой последнего курса факультета журналистики. Если ФБР с кем и сотрудничало, то только с репортерами ведущих изданий, и то только в том случае, если это было необходимо и могло помочь продвижению дела. Такое иногда случалось. Полиции нужны были глаза миллионов людей, поэтому они предоставляли СМИ конфиденциальную следственную информацию, чтобы при помощи общественности установить личность убийцы или найти жертву. В таких громких делах, как дело Киры, публикация подробностей об одежде, в которую она была одета, о том, где ее видели в последний раз, или даже о том, чем она любила заниматься, могла сделать поиски более эффективными и помочь полиции быть начеку в случае обнаружения ключевой улики.

Я быстро пролистав газеты за 26 ноября, День благодарения, поскольку это был тот самый день, когда Кира исчезла. Материалы заканчивали собирать накануне ночью, и в них говорилось о событиях, произошедших 25 ноября, поэтому там не могло быть никакой информации о девочке.

Первое упоминание об исчезновении Киры я нашла в газетах за следующий день, пролистав несколько сотен страниц различных изданий с фотографиями парада и заголовками об официальном начале Рождества. В нижнем углу 16-й страницы газеты «Нью-Йорк дэйли ньюс» в черной рамке была напечатана первая фотография Киры, та самая, что несколько дней спустя украсила обложку «Манхэттен пресс». В статье нейтральным тоном сообщалось: накануне начались поиски пропавшей трехлетней девочки по имени Кира. Согласно статье, на ней были джинсы, белая или светло-розовая кофта и белая утепленная куртка. Больше никаких сведений. Время исчезновения или место, где ее видели в последний раз, не упоминались.

Я не удивилась, обнаружив в газетах за 27-е число более развернутую статью. Еще одна газета, на этот раз «Нью-Йорк пост», посвятила исчезновению Киры полстраницы. Статья, подписанная неким Томом Уолшем, сообщала следующее:

«Идет второй день поисков Киры Темплтон, пропавшей во время парада в День благодарения. Трехлетняя девочка исчезла в толпе два дня назад. Ее отчаявшиеся родители просят общественность помочь в поисках». Новость сопровождалась фотографией Аарона и Грейс Темплтон, держащих в руках фотографию дочери. Их глаза опухли от слез. Именно на этой фотографии я впервые увидела родителей.

Я продолжала читать газеты, выбирая страницы, на которых упоминалась Кира или парад, продвигаясь вперед по календарю, пока не дошла до текущего дня и первой полосы «Манхэттен пресс».

Взглянув на часы, с удивлением обнаружила, что было уже почти девять часов вечера. В библиотеке, которая в это время года была открыта до полуночи, так как экзамены уже были не за горами, но еще достаточно далеко, чтобы ни у кого не было срочной необходимости заниматься, было пусто.

Мне не следовало задерживаться так поздно. Я быстро запихала нужные страницы в рюкзак и подкатила тележку к стойке. Увидев беспорядочную гору

бумаг, библиотекаря заворчала.

Я вышла на улицу в нью-йоркскую ночь. Посмотрел в одну сторону – ни души. С другой стороны виднелась пара силуэтов, окруженных дымом: люди разговаривали и курили в дверях бара. Я вернулась внутрь, и девушка за стойкой притворно улыбнулась, увидев меня снова.

– Можно воспользоваться телефоном? Я не взяла с собой денег на такси.... Я не планировала задерживаться допоздна.

– Еще только девять часов. На улицах есть люди.

– Так могу я воспользоваться телефоном или нет?

– Эээ... Конечно. – Она протянула мне трубку.

Я снимала квартиру в центре Гарлема, в красном кирпичном здании на 115-й улице, всего в десяти минутах ходьбы от университета, который находился на восточной стороне Морнингсайд-парка, а мой дом – на западной.

Чтобы попасть в квартиру, требовалось лишь пересечь несколько улиц и пройти через парк. Проблема заключалась в том, что в те годы в районе было неспокойно. Здесь было много кондоминиумов и социального жилья, и это место к югу от Центрального парка притягивало различные банды, мелкие группировки, наркоманов и грабителей в поисках ни о чем не подозревающей жертвы. Днем обходилось без грабежей и разбоев, но к ночи ситуация полностью менялась.

Я набрала номер единственного человека, который ответил бы в этот час.

– Да? – произнес мужской голос на другом конце.

– Не хочешь встретиться? Я в факультетской библиотеке.

– Мирен?

– У меня был долгий день. Так да или нет?

– Хорошо. Буду через пятнадцать минут.

– Я подожду тебя внутри.

Повесив трубку, осталась стоять, наблюдая, как библиотекарьша пытается разобраться в газетном беспорядке, который я учинила. Вскоре на пороге появился профессор Шмоер, одетый в пиджак с заплатками на локтях и круглые очки в роговой оправе, и жестом позвал меня на улицу.

– Все хорошо? – спросил он в качестве приветствия, едва мы вышли на тротуар.

– Я припозднилась.

– Я провожу тебя до дома, а потом уйду, хорошо? Я не могу остаться. – Он повернулся ко мне спиной и двинулся на восток. – В редакции просто хаос. Издатель хочет напечатать что-нибудь о Кире Темплтон на первой странице, что угодно, и у меня такое чувство, будто завтра такое будет во всех газетах после сегодняшней «Манхэттен пресс». Мы только разбередим рану, и, честно говоря, мне противно быть частью этого.

Ускорив шаг, я догнала его.

– А что вы собираетесь публиковать? – спросила из любопытства.

– Звонок матери в службу спасения. Мы получили копию записи.

– Ох, плохо дело, – выдохнула я, подняв брови. – Неожиданный для «Дэйли» крен в сторону сенсации. Разве вы не деловое издание?

– Именно. Поэтому-то меня и тошнит от их планов.

Я ответила не сразу. Меня отвлек звук наших шагов по тротуару и то, как наши тени сначала обогнали нас, когда мы прошли мимо фонаря, а затем исчезли.

– А ты не можешь ничего возразить? Разве ты не можешь опубликовать что-нибудь другое? Ты же главный редактор.

– Продажи, Мирен. Продажи – это все, – раздраженно бросил он. – Ты сама сегодня это сказала. Возможно, ты просто не осознаешь, насколько от них все зависит. Только они и имеют значение.

– Настолько?

– Сегодняшний тираж «Манхэттен пресс» взлетел. Они продали в десять раз больше газет, чем вчера, Мирен. А все остальные газеты продавались плохо. Они в выигрыше, как ни посмотри.

– В десять раз?

– Мы не знаем, что они опубликуют завтра, но так это и работает. Хотим мы этого или нет, но поиск этого ребенка станет главной загадкой следующих нескольких месяцев во всех средствах массовой информации, если только она не отыщется раньше. Некоторые издания даже предпочли бы, чтобы она так и не нашлась, – в их интересах растягивать эту историю как можно дольше. Когда люди забудут об этом деле, а газеты – о ней, начнется траур, но всем будет уже все равно, и только если сама Кира или ее труп появится посреди Таймс-сквер, тема будет поднята снова.

Он выглядел обессиленным и настолько подавленным, что я не осмелилась ничего сказать.

Мы подошли к статуе Карла Шурца, и я попросила обойти парк, хоть это и удвоит время прогулки, но Шмоер согласился без колебаний.

Дальше он шел молча. Конечно, дело было в его возрасте. Профессор был старше меня лет на пятнадцать и знал, что мне не требовались разговоры. Он ждал, пока я сдамся сама. Возможно, думал, я затрону эту тему после моего отказа пересечь парк, но я не собиралась это обсуждать. Дойдя по Манхэттен-авеню до дома, я сказала:

– Спасибо, профессор.

– Не за что, Мирен. Ты же знаешь, я просто пытаюсь помочь...

Я с благодарностью обняла его. Было приятно чувствовать себя в некоторой степени защищенной.

Внезапно он взволнованно оттолкнул меня, и мое настроение упало.

– Это... это неправильно, Мирен. Я не могу этого сделать. Мне нужно вернуться в редакцию.

– Да я просто... просто обняла тебя, Джим, – возмутилась я с серьезным и сердитым видом. – Ты совсем с ума сошел?

– Мирен, ты знаешь, я не... Я не могу. Мне нужно идти. Этого не должно было случиться. Если нас увидят...

– Это правда так срочно? – Я старалась не принимать близко к сердцу его отказ.

– Нет, просто... – Он колебался. – В общем, да, я не могу остаться.

– Прости, я... Я думала, мы... друзья.

– Нет, Мирен. Дело не в этом... Просто мне нужно вернуться в редакцию. Правда.

Я заметила, что он нервничает больше, чем следовало бы, и ждала продолжения.

– Дело в звонке матери Киры Темплтон в полицию, – наконец сказал профессор. – Ситуация сложная. И я не думаю, что это хорошее решение.

– Можешь рассказать подробнее? Я выбрала Киру Темплтон для своего расследования на этой неделе.

– Ты не занимаешься утечкой? – удивился он. – Я думал, ты хочешь получить зачет.

Я была рада, что мы замяли тему объятий и напряжение между нами рассеялось.

- Да, но я не хочу быть как остальные. Эту тему возьмут все. Это легкая добыча. Но Кира заслуживает того, чтобы кто-то изучил ее дело без знака доллара перед глазами.

Шмоер кивнул в знак согласия.

- Ладно. Я скажу тебе только одну вещь об этой записи.

- Что же?

- Этот звонок родителей в 911...

- Что с ним не так?

- Кажется, они что-то скрывают.

Глава 6

Звонок Грейс Темплтон в службу спасения

26 ноября 1998. 11.53

- Девять-один-один, что у вас случилось?

- Я... я не могу найти свою дочь.

- Не волнуйтесь... Когда вы видели ее в последний раз?

- Недавно... несколько минут назад... Мы были здесь на... на параде, и... она ушла с отцом.

- Она сейчас с отцом или потерялась?

- Она была с ним... а теперь нет. Она потерялась.
- Сколько ей лет?
- Ей два, почти три. Завтра у нее день рождения.
- Понятно... Где вы находитесь?
- Эээ...
- Мэм, где вы находитесь?
- На... на пересечении 36-й улицы и Бродвея. Здесь много людей, и она потерялась. Она совсем малышка. О боже!
- Когда вы видели ее в последний раз, во что она была одета?
- Она... секундочку... точно не помню. Голубые брюки и... не знаю.
- Какая-нибудь кофта? Помните цвет?
- А, да... Розовая.
- Можете ли вы вкратце описать свою дочь?
- Она... брюнетка, с короткими волосами. Она всем улыбается. Рост 34 дюйма[4 - 34 дюйма – 86 сантиметров.]. Она... она невысокая для своего возраста.
- Цвет кожи?
- Белый.
- Хорошо.
- Пожалуйста, помогите.

- Вы уходили с места? Осмотрели окрестности?

- Здесь повсюду толпа. Это невозможно.

- Ваша дочь была одета в пальто или куртку?

- Повторите, пожалуйста.

- Было ли на ней что-то поверх розовой кофты, которую вы упомянули? В Нью-Йорке идет дождь.

- А, да... Куртка.

- Вы помните цвет?

- Ох... белая, с капюшоном. Да, точно. С капюшоном.

- Хорошо. Оставайтесь на линии. Я сейчас соединю вас с полицией. Хорошо?

- Да.

Заиграла музыка, и несколько секунд спустя на другом конце заговорила другая женщина:

- Мэм?

- Да?

- Вы видели, в какую сторону пошла ваша дочь?

- Ох... нет. Она ушла с моим мужем и не вернулась. Она потерялась.

- Ваш муж рядом?

- Да. Он здесь.

- Можете дать ему трубку?

- ...

- Да? - ответил Аарон прерывающимся голосом.

- Сэр, вы видели, в какую сторону пошла ваша дочь?

- Нет. Я этого не видел.

- Хорошо... Вы можете назвать точное время, когда это произошло?

- Не более пяти минут назад. Здесь слишком много людей. Мы не можем найти ее.

- Мы найдем ее.

- ...

- Сэр, вы меня слышите?

- Да, да.

- Пеший патруль направляется на угол 36-й и Бродвея. Ждите там.

- Вы думаете, они найдут ее? - уточнил Аарон.

Где-то на заднем плане послышался голос Грейс - она что-то неразборчиво говорила мужу.

- Грейс, сейчас не время, - отрезал он.

- Не волнуйтесь, сэр. Ваша дочь найдется.

Вдалеке снова послышался голос Грейс:

– Аарон, сотри кровь.

– ...

– Сэр? – позвала оператор.

– Слава богу, – сказал он.

В отдалении послышался глубокий мужской голос – это был полицейский.

– Вы родители?

Глава 7

Надежда излучает свет, и только он способен развеять самые мрачные тени.

27 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Мирен появилась в полицейском участке в черном костюме с юбкой и пиджаком поверх белой блузки. Ее каштановые волосы были убраны в аккуратный высокий хвост. Аарон увидел из приемной, как она решительно подошла к стойке и попросила позвать его. Полицейская указала в сторону Аарона, и Мирен, подписав форму согласия, повернулась и подошла к нему с серьезным лицом.

– Идем? – спросила она вместо приветствия.

Прошел год с их последней встречи, но эта ситуация не стала для нее неожиданностью. В первые годы после пропажи Киры она то и дело встречала Аарона и наблюдала, как его все сильнее засасывает в воронку печали и

отчаяния, которая поглощает все, до чего дотягивается. Но шло время, и повседневная жизнь, а также тот факт, что Мирен теперь работала в «Манхэттен пресс», привели к тому, что они отдалились друг от друга, а их встречи стали нерегулярными. Последний раз они виделись ровно год назад, в день рождения Киры, когда Аарон заявился в редакцию с воплями и обвинениями в нарушении обещаний.

– Спасибо, что пришла, Мирен... Мне некому больше было позвонить.

– Понимаю. Ничего страшного. Не нужно, Аарон. Не объясняй.

Было четыре часа дня, и движение на севере города начало приходить в норму. Парад закончился, детский смех утих, и все разошлись по домам, чтобы успеть приготовить ужин. Мирен направилась к своей машине, «Шевроле Кавалер» цвета шампанского, припаркованной на стоянке между двумя полицейскими машинами. Мирен села за руль и подождала, пока Аарон усядется рядом.

– Мне жаль, что ты видишь меня таким, – начал Аарон. От него разило спиртным, и выглядел он жалко.

– Да какая разница. Я почти привыкла к этому. – Мирен стала раздражаться.

– Сегодня восьмой день рождения Киры. Я просто... это выше моих сил.

– Я знаю, Аарон.

– Я не выдержал. Парад, день рождения, и все в один день. Столько воспоминаний. Я так виноват. – Он поднес руки к лицу.

– Не нужно оправдываться. Не передо мной, Аарон.

– Я не... Я хочу, чтобы ты поняла, Мирен. В последний раз, когда мы виделись, я вел себя как...

– Аарон, не нужно. Хватит. Я знаю, как тебе тяжело.

– Как отреагировало начальство?

– Ну, они были не в восторге. Но ты не оставил им выбора. Едва ли кому-то понравится, если отец самой разыскиваемой девочки в Америке заявится пьяным в приемную и будет кричать, что все наши публикации – выдумки, ведь ты прекрасно знаешь, что это не так, – заметила она, и Аарон отвел взгляд. У него дрожали губы и правая рука, словно горе обрело контроль над некоторыми частями его тела.

Мирен завела машину и молча поехала на юг.

– У тебя были какие-нибудь проблемы из-за этого? – спросил Аарон.

– Ультиматум. Я должна оставить дело Киры, потому что это тупик.

Аарон посмотрел на девушку и сказал таким тоном, будто давно об этом думал и наконец решился:

– Исчезновение Киры пошло тебе на пользу.

Мирен нажала на тормоз. Она и без того злилась, что ей пришлось ехать за ним и снова видеть его пьяным, особенно в этот день, но его слова ранили ее в самое сердце.

– Как ты мог, Аарон? Ты же знаешь, я сделала все, что могла. Никто больше не приложил столько усилий для поиска твоей дочери. Как у тебя хватило наглости?..

– Я всего лишь сказал, что тебе это пошло на пользу. Сама посуди... Ты теперь работаешь в «Манхэттен пресс»...

– Вон из машины, – взбесилась Мирен.

– Ну что ты...

– Вон из машины!

– Мирен... пожалуйста...

– Послушай меня внимательно, Аарон. Ты знаешь, сколько раз я перечитывала полицейское досье Киры? Знаешь, скольких людей я опросила за последние пять лет? Никто не потратил столько времени на ее поиски, сколько я. Знаешь, от скольких материалов я отказалась, лишь бы продвинуться на шаг вперед и узнать, что с ней случилось?

Аарон понял, что задел ее за живое.

– Прости, Мирен... Я просто не могу больше... – его голос надломился. – Я не могу... Каждый год, когда приближается этот день, я говорю себе одно и то же: «Давай, Аарон, в этом году ты улыбнешься хотя бы раз на День благодарения. В этом году ты встретишься с Грейс и вспомнишь, какая у вас была замечательная семья». Я проговариваю это перед зеркалом, когда просыпаюсь, но как только думаю о ней и обо всем, что мы потеряли, обо всем, что ждало нас впереди и так и не случилось, о каждой... о каждой улыбке, которую мы не увидели, – я не могу этого вынести.

Мирен только щелкнула языком, наблюдая, как он плачет, но через несколько мгновений не выдержала.

– К черту, – бросила она, положила руки на руль и нажала на педаль газа.

– Отвезешь меня домой? Мне нужно поспать.

– Я разговаривала с Грейс.

На этот раз застонал Аарон.

– О чем?

– Она звонила тебе весь день, а ты не брал трубку. Потом Грейс позвонила мне, чтобы спросить, не знаю ли я, где ты. Она была сама не своя. Этот день берedit чувства и вскрывает старые раны.

Аарон посмотрел на Мирен. Ее голос звучал серьезнее, чем он помнил. Деловой вид девушки и почти отстраненный взгляд лишь сильнее укрепили то чувство, которое он всегда испытывал к ней: Мирен была слишком холодна.

– Когда ты позвонил, я, разумеется, с ней связалась. Перезвонила и рассказала, где ты, и она попросила, чтобы я немедленно привезла тебя к ней. Что-то срочное.

– Не хочу, – тут же отрезал Аарон.

– Это не обсуждается, Аарон. Я обещала Грейс. Сказала, что привезу тебя лично.

– Ты с ума сошла, если думаешь, что я готов встретиться со своей бывшей женой в день рождения Киры. Сегодня я меньше всего хотел бы быть рядом с ней.

– Мне все равно. Я должна отвезти тебя. Это пойдет тебе на пользу. Вам обоим тяжело. Только вы двое понимаете, что переживает другой. Грейс тоже нуждается в том, чтобы кто-то о ней позаботился. Ей было так же плохо или даже хуже, чем тебе, но она при этом не напивается и не воюет со всем миром.

Аарон ничего не ответил, и Мирен восприняла это как знак согласия. Она выехала с территории полицейского участка двадцатого квартала по Западной 82-й улице и вскоре спустилась до берега реки Гудзон. По дороге на юг Мирен молчала, а Аарон с отвращением смотрел в окно на город, который так любил. Позади остались счастливые годы: карьерные взлеты, игры на заднем дворе, ласковые поглаживания живота Грейс в ожидании рождения Майкла. Все это исчезло вместе с белым воздушным шариком, улетевшим в облака.

Вскоре они уже пересекали тоннель Хью Л. Кэри, соединяющий под водой Манхэттен и Бруклин, но на другом берегу замедлились. Им то и дело приходилось останавливаться на бесконечных светофорах. Аарон несколько раз пытался завязать разговор, но Мирен отвечала односложно. Со стороны могло показаться, будто ее раздражает необходимость тратить на него время в День благодарения, но на самом деле она хотела воздвигнуть барьер между собой и делом Киры – делом, с которым она срослась и никак не могла разъединиться.

Добравшись до Дайкер-Хайтс, квартала частных домов с уютными задними дворами, один из которых раньше был семейным гнездом Темплтонов, Мирен отметила, что некоторые соседи уже развешивают рождественские гирлянды. Миновав несколько улочек, они увидели Грейс – та стояла на тротуаре и высматривала что-то на дороге. Женщина явно волновалась.

- Что с ней? – удивилась Мирен.

- Не знаю, – озадаченно ответил Аарон. Он никогда раньше не видел ее такой.

Грейс была одета в бордовую пижаму и тапочки, а ее волосы были собраны в неряшливый хвост.

Аарон в недоумении вышел из машины и приблизился к ней.

- Грейс, что случилось?

- Аарон... Кира.

- Что?

- Кира! Она жива!

- Что ты имеешь в виду? – Мужчина был сбит с толку.

- Она жива, Аарон. Кира жива!

- Что? Ты о чем?

- Об этом!

Грейс протянула руки и показала ему видеокассету. Аарон ничего не понял, но, приглядевшись, заметил белую наклейку с названием. На ней маркером была нарисована цифра «один», а под ней заглавными буквами было выведено самое мучительное и самое заветное для родителей слово: КИРА.

Глава 8

Она танцевала одна, когда вздумается, невольно сияя в ночи.

Мирен Триггс

1998

Я не могла так этого оставить. Слова профессора Шмоера насторожили меня. Что скрывалось за этим звонком в службу спасения? О чем умолчали родители? Поиски Киры Темплтон пробудили во мне больше любопытства, чем я могла себе представить.

- Ты должен дать ее мне послушать, - заявила я, как будто это было так легко.

- Я не могу, Мирен. Это наш завтрашний эксклюзив.

- Ты считаешь, что я сделаю стенограмму и передам в другую газету? Я студентка журфака и никого, кроме тебя, в этих кругах не знаю, да и меня никто не стал бы слушать.

Он глядел на меня молча. Затем сказал:

- Я знаю, что нет, но....

Я перебила его поцелуем. И на этот раз он сдался.

Он знал, что я использую его, но нисколько не возражал. После случившегося я избегала мужчин. Ни при каких обстоятельствах не хотела ни с кем сблизиться. Я воздвигла непреодолимый барьер на пути к своей душе и думала, что ни с кем не смогу почувствовать себя в безопасности, пока однажды в университете мы с ним не начали говорить о той ужасной ночи как о чем-то не относящемся ко мне. Он даже побудил меня написать об этом, и в конце концов я почувствовала - он единственный относился ко мне со зрелостью, в которой я нуждалась. Мои сокурсники вели себя как типичные альфа-самцы, и в каждом из них мне виделся Роберт, которого хотелось забыть. Я с самого начала обратила внимание, что на занятиях все глаз не сводят с профессора Шмоера, и все начинающие журналистки сошлись во мнении, что он был самым привлекательным профессором из всех, кто расхаживал перед доской в Колумбийском университете. Его извечные костюмы не могли скрыть поджарое

тело. Его добродушное лицо так и манило тех, кто воображал, будто под слоем невинности за его очками кроется настоящий огонь. Но самым привлекательным в нем был его ум. Он писал статьи для «Дэйли» требовательным тоном, с которым могли ассоциировать себя читатели. Он находил идеальный критический подход и писал подробно, строя предложения так, что с каждым абзацем вы все больше не могли оторваться. Сильные мира сего боялись стать объектом его пристального внимания, а политики нервничали, если он показывался на пресс-конференции, что, впрочем, случалось редко. Его статьи были посвящены политике и бизнесу, и Шмоер с позиции стороннего наблюдателя изучал архивы, документы, счета и накладные, погружаясь в теневые сделки, которые заключались в тех двух единственных сферах, которые так волновали страну? – деньги и политика, хотя в действительности эти темы всегда шли рука об руку. Исчезновению Киры предстояло изменить его вселенную и, хотя я еще об этом и не подозревала, навсегда стать основой моей собственной.

– Зачем, Мирен? Я не... это плохая идея...

– То, что случилось, не имеет к тебе никакого отношения, Джим. Не веди себя как остальные. Вы все здесь ни при чем. Только я решаю, как мне быть, ясно?

– Мы уже давно не поднимали эту тему, и я сомневаюсь, что избегание здесь поможет.

– Какого черта все так настаивают, что я должна это обсуждать? Почему ты не даешь мне право самой решать, как к этому относиться?

Развернувшись, я переступила через порог дома.

– Спасибо, что проводил, Джим, – резко бросила я.

– Мирен, я не хотел... – Он был растерян.

Я ринулась вверх, перепрыгивая две ступеньки за раз, и, достигнув второго этажа, скрылась из виду. Джим звал меня снаружи, но было уже поздно.

Зайдя в квартиру, бросила белые «конверсы», в которых была, на полку для обуви и удалилась в темноту спальни, пока снимала джинсы. В гостиную я вошла уже в пижаме. Это было первое, что я всегда делала при возвращении домой – в крошечную съемную квартиру в аварийном здании в самой неблагополучной части города. Это была маленькая студия без окон, ремонта, лифта и всяких излишеств. На крохотной плите на кухне помещалась лишь одна сковородка, потому что две единственные конфорки были расположены слишком близко. Это был едва ли не худший вариант, и все же отдавали ее отнюдь не за бесценок. Родители любили повторять, что это место больше похоже на темницу и плачу я не аренду, а выкуп. Но я не могла позволить себе ничего другого, не тратя при этом кредит на учебу; плюс до университета было недалеко.

Второе дело, которое следовало сделать по возвращении, – контрольный звонок. Спустя несколько гудков в трубке послышался отцовский голос:

– Дочка, наконец-то. Мы как раз собирались тебе звонить. Ты что-то поздно сегодня.

– Прости, прости, я знаю. Занималась в библиотеке. Мама в порядке?

– Она места себе не находила. Ты должна звонить нам раньше, хорошо? Если будешь задерживаться, предупреждай. Мама беспокоится, что ты гуляешь в такое время.

– Еще только половина десятого, папа.

– Да, но этот район...

– ...единственный, что я могу себе позволить, папа.

– Ты же знаешь, мы можем помочь. У нас есть накопления, и мы хотим помочь.

– Вы уже помогли мне с компьютером. Больше мне ничего не нужно, правда. Я же ради этого и брала кредит на учебу.

Я перевела взгляд на стол, где стоял подарок родителей – синий iMac «Бонди блю». Он поступил в продажу за несколько недель до этого и состоял из

монитора с полупрозрачным сине-зеленым корпусом, белой клавиатуры и круглой мыши, которая, казалось, вот-вот укатится. Но самое потрясающее – он работал быстрее, чем я могла себе представить.

Им было очень удобно пользоваться, а продавец в магазине горячо рекомендовал эту модель: он видел презентацию самого основателя «Эппл» и пел ему дифирамбы, будто был знаком с ним лично. Когда я достала компьютер из коробки, запустить его было несложно, но далеко не сразу мне удалось завести электронную почту и разобраться в настройках.

– Но это же всего тысяча триста долларов.

– Тысяча триста долларов, которые вы могли потратить на себя.

Помолчав несколько секунд, он сказал:

– С тобой хочет поговорить мама.

– Хорошо.

Она взяла трубку, и стоило ей заговорить, как я поняла – она расстроена. Всегда можно определить настроение родителей по интонациям их фраз.

– Мирен, обещай мне быть осторожнее. Нам не нравится, что ты гуляешь так поздно.

– Все в порядке, мам. – Мне не хотелось ее расстраивать. Ей было еще хуже, чем мне. Нас разделяло более шестисот миль – они жили в Шарлотте, Северная Каролина, а я в Нью-Йорке, – и она больше не могла контролировать меня или с кем я встречаюсь. Ее маленькая девочка выскользнула из тени, и она притворилась, будто протягивает руки, чтобы солнце никогда не обожгло меня.

– Почему ты не купишь мобильный телефон? Тогда ты сможешь звонить нам в любое время, если тебе что-то понадобится.

Я вздохнула. Меня раздражало, что приходится принимать столько мер предосторожности из-за кучки идиотов, которые не могут уследить за своей

ширинкой.

- Хорошо, мама, - покорно согласилась я. - Завтра куплю.

Мне не очень нравились мобильники. Многие мои однокурсники все перерывы напролет играли в игру, где змейка гонялась по экрану за едой. Были и те, кто все утро перебрасывался сообщениями, не обращая внимания на занятия. Легко было определить, как они общаются между собой, кто с кем флиртует эсэмэсками, ограниченными 160 символами. Один писал, другой смеялся. Потом все начиналось заново. Также мне не нравилось постоянно чувствовать себя доступной. Я не видела необходимости быть всегда начеку и готовой к звонку, пока поблизости есть телефонные будки. У меня было чувство, что все под контролем, но пришлось уступить маме, чтобы не расстраивать ее.

- Я позвоню тебе завтра и дам номер своего мобильного.

- Я тоже куплю телефон, чтобы ты могла звонить мне, когда захочешь, дочка. - Она заметно повеселела.

- Здорово. Спокойной ночи, мама.

- Спокойной ночи, дочка.

Положив трубку, я села за стол.

Достала газетные вырезки и увидела лицо Киры, которая смотрела на меня. Детские глаза словно молили о помощи. Ужасное ощущение. Ее родители вряд ли когда-то снова увидят дочь, и я почувствовала себя разбитой. С конца разговора прошло меньше минуты, но я вернулась к телефону и снова набрала номер родителей. Мама заволновалась.

- Ты в порядке? Что-то случилось?

- Нет. Ничего, мам. Я просто хотела сказать тебе, что люблю тебя.

- И мы любим тебя, дочка. Ты действительно в порядке? Если нужно, мы сразу же приедем к тебе.

– Нет, правда. Я только ради этого и звонила. Хочу, чтобы ты это знала. Со мной все будет хорошо, честно.

– Ты напугала меня. Мы всегда поддержим тебя, так и знай.

– Давайте встретимся в эти выходные? Я сяду на самолет и прилечу к вам в Шарлотт.

– Правда?

– Да. С большим удовольствием.

– Конечно! Я поговорю с агентством Джеффри завтра, чтобы тебе заказали билеты.

– Спасибо, мама.

– Тебе спасибо, дочка. До завтра, милая.

– До завтра, мама.

Я уставилась на телефон, размышляя о сделанном, но впереди у меня было много работы. Снова села за стол и включила компьютер. Когда он загрузился, я начала просматривать вырезки из газет об исчезновении Киры, которые принесла с собой. В «Дэйли», где работал профессор Шмоер, на двенадцатой странице ей посвятили лишь небольшую колонку о том, как мало продвинулись поиски. В статье также упоминалось, что, согласно внутренним источникам, делом займется ФБР, чтобы проработать версию похищения, но все это едва ли дополняло информацию от других газет. При чтении создавалось впечатление, что авторы статьи знают гораздо больше, чем говорят, но молчат из уважения или нежелания подогревать нездоровый интерес, который уже породило это дело. Если верить Джиму, одним из таких дополнительных сведений был звонок Грейс Темплтон в службу спасения, но я не знала, что это лишь верхушка айсберга.

Когда компьютер загрузился, я подключилась к интернету, просматривая другие заголовки в ожидании, пока 56-килобайтный модем после бесконечной череды

шумов и писков на всех возможных частотах закончит свою симфонию. Я открыла браузер «Нетскейп» и набрала адрес сервера электронной почты моего университета. Войдя в систему, обнаружила только одно новое письмо – уведомление о новой стажировке в экологическом журнале. Я сделала пометку ответить позже и вернулась к вырезкам.

Я провела два или три часа, читая их, подчеркивая детали и записывая в черный блокнот те моменты, которые показались мне важными: «Геральд-сквер», «состоятельная семья», «отец управляет страховой компанией», «католики», «произошло примерно в 11.45 утра», «26 ноября», «дождь», «Мэри Поппинс».

Иронично, что при исчезновении трехлетней девочки присутствовала именно образцовая диснеевская няня. Я подчеркнула ее имя, чтобы выяснить, кто она и что там делала, и пошла к холодильнику за колдой – последние несколько месяцев это был мой единственный ужин. Когда вернулась, заметила новые письма, выделенные в названии жирным шрифтом. В качестве темы в первом из них значилось «Прости», а остальные были просто пронумерованы со второго номера по шестой.

Все они были от профессора Шмоера. Он прислал их мне со своей личной почты jschmoer@wallstreetdaily.com. Я удивилась, потому что он никогда раньше не писал мне с этого адреса. Письмо гласило:

Мирен, в следующих письмах я вышлю тебе все, что сейчас есть в «Дэйли» по делу Киры.

Обещай мне, что эта информация не выйдет за пределы твоего компьютера. Уверен, твои глаза зорче моих.

Джим.

PS: Извини, что повел себя как идиот.

К сообщению был прикреплен файл под названием «Kiera1.rar». В следующих письмах обнаружили аналогичные архивы, без подписи, со сквозной

нумерацией. Я открыла первый из них с помощью программы «Unrar», где у меня еще не закончился пробный период, и обнаружила там два видеофайла, датированные 26 ноября, с записями камер видеонаблюдения в районе, где исчезла Кира Темплтон.

Глава 9

Самое ужасное в страхе не то, что он парализует, а то, что предчувствие сбывается.

26 ноября 1998

Аарон шел вслед за полицейским сквозь толпу, которая начинала редеть после окончания парада. Он то и дело слышал по рации какие-то указания и фразы, но из-за шума на улице не мог ничего разобрать. Время от времени полицейский останавливался и проверял, не отстает ли Аарон. Пару минут спустя они свернули на 35-ю улицу и остановились у двери, перед которой стояла группа полицейских с обеспокоенными лицами.

– Что происходит? Вы нашли ее? – взволнованно спросил Аарон.

– Постарайтесь успокоиться, хорошо? – попросил молодой светловолосый полицейский Миртон, ростом метр восемьдесят. Это он своей находкой подал сигнал тревоги.

– Как я могу успокоиться? Моя трехлетняя дочь пропала, а у жены паническая атака. О каком спокойствии тут может идти речь!

Эта фраза была ему отлично знакома. Аарон часто слышал, как ее произносят люди напротив него, и было странно услышать ее теперь из собственных уст. Он руководил страховой компанией в Бруклине, и за свою карьеру ему не раз приходилось просить сидящих перед ним людей успокоиться, пока сам объяснял, что им только что отказали в выдаче полиса или медицинская страховка, которую они оформили, не покрывает необходимое лечение с

неподъемной стоимостью. Выражение их лиц, страх, отчаяние, виденные в глазах всех цветов и форм в своем кабинете, были точным отражением чувств Аарона, когда он осознал, что кто-то просит его сохранять самообладание. Это было выше его сил.

– Поймите, нам важно, чтобы вы сосредоточились и кое-что подтвердили, – объяснил приведший его полицейский.

– Что? – Аарон едва слышал, что ему говорят. Его захлестывали эмоции.

Полицейские переглянулись, словно решая, кому дать слово.

Здание, перед которым они стояли, было многоквартирным домом на 35-й Западной улице, номер 225. Внизу располагался магазин, где продавали одежду для девочек. Витрина была заполнена детскими манекенами в платьях всевозможных цветов, и эта радуга резко контрастировала с тем, что сейчас испытывал Аарон, представив свою дочь в одном из этих нарядов. Он даже невольно подумал, что нужно рассказать Грейс об этом магазине: вдруг Кира захочет одеться так на ужин в честь Дня благодарения, который ждал их дома.

– Следуйте за мной, – серьезным тоном сказал Миртон, осторожно толкая стеклянную дверь дома 225.

Оказавшись внутри, Аарон заметил, что там их ждут другие полицейские, сидящие на корточках в углу.

– Это отец? – спросил один из них, вставая и протягивая руку для приветствия.

– Все верно. В чем дело?

– Я детектив Артур Алистер. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

– Эм... да. Конечно. Все, что угодно. Но, эм... мы можем вернуться на Геральд-сквер? Боюсь, Кира нас ищет, а ни Грейс, ни меня там нет. Понимаете, у моей жены паническая атака, и я хочу быть рядом, если дочь окажется там.

– Не волнуйтесь, мистер... – он выжидающе посмотрел на Аарона.

- Темплтон.

- Темплтон, - продолжил Алистер. - Наши коллеги прочесывают всю зону вокруг Геральд-сквер. Если ваша дочь найдется, поверьте мне, она будет в безопасности. Нам сообщат по радиации, и все это забудется как страшный сон. А сейчас нам нужно, чтобы вы нам кое в чем помогли.

Аарон кивнул.

- В чем именно?

- Вы не могли бы еще раз описать одежду вашей дочери?

- Да, на ней была белая куртка и розовая кофта. Еще голубые джинсы и кроссовки... я не помню цвет.

- Не волнуйтесь. Все хорошо. Продолжайте.

Остальные полицейские поднялись и отошли в сторону. Один из них направился к выходу и, проходя мимо Аарона, молча похлопал его по плечу.

- Она брюнетка, - продолжал Аарон, который не помнил, говорил ли он это раньше, - у нее прямые волосы, обычно распущенные, но сегодня она была с двумя хвостиками.

- Хорошо. Очень хорошо, - подбодрил детектив.

- Вы за этим меня сюда позвали?

Алистер помолчал, прежде чем продолжить.

- Может ли одежда в углу принадлежать вашей дочери?

- Что?! - вскричал Аарон.

Он сделал два шага в сторону того места, где ранее толпились полицейские, и среди груды одежды сразу же узнал розовую кофточку Киры. А также белую куртку, которую за последние несколько недель он так часто надевал на нее, то и дело споря с ней, потому что дочь ни за что не хотела тепло одеваться перед выходом на улицу. Пол начал уходить из-под ног, а из легких словно выбили воздух, когда Аарон заметил короткие пряди волос длиной как у Киры поверх тех самых джинсов, которые он чувствовал на собственных плечах чуть раньше, когда они вместе смотрели парад.

Раздался громкий вопль. Аарон закричал снова, а затем еще и еще, и его крики слились в один, когда боль, какой он никогда раньше не знал, открыла ему путь в глубины самого темного места в его душе.

- Нет!

Глава 10

Свет, загораясь, освещает лицо, но он же отбрасывает тени в уголках души.

27 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Грейс поспешила в дом:

- Ты должен увидеть ее, Аарон. С ней все в порядке. С нашей девочкой. Кира в порядке.

В полном недоумении Аарон и Мирен последовали за ней. Они переглянулись, подозревая, что бедная Грейс впала в безумие.

- О чем ты говоришь, Грейс? Что это за кассета?

– Наша малышка. Кира. С ней все в порядке. Все хорошо, – повторяла она так тихо, что ее нельзя было слышать.

Аарон вошел в дом вслед за женой, которая куда-то пропала. Но тут она заговорила снова, и он пошел на голос.

– Ты должен ее увидеть. Это она, Аарон, это Кира!

Второй раз за день в горле Аарона образовался комок. Ему совершенно не нравилось происходящее. Грейс вела себя очень странно. Он жестом поманил внутрь Мирен, стоявшую у почтового ящика. Она послушалась, по-прежнему не понимая, что здесь творится.

– Грейс, дорогая, – Аарон вошел на кухню, где жена установила телевизор с видеопроигрывателем на небольшой передвижной тумбочке. – Что на этой кассете? Наши рождественские каникулы? Ты об этом?

Мирен в ожидании прислонилась к дверному косяку.

– Я сегодня заглянула в почтовый ящик, и там был этот конверт, Аарон. Кто-то оставил нам эту кассету с записью Киры.

Смущенная Мирен вмешалась в разговор:

– Зацепка к делу Киры? Ты это имеешь в виду, Грейс? Новая запись с камер наблюдения? Я просмотрела их все, много раз, кадр за кадром, секунда за секундой. Записи того дня уже есть в полицейском досье, Грейс. Я проверила все улицы и предприятия в том районе. Все записи того дня просмотрены. Больше... больше ничего нет, Грейс... Расследование зашло в тупик.

– Нет, – отрезала женщина. – Это совсем другое.

– Что же это? – снова спросила Мирен.

– Это Кира, – прошептала Грейс, широко раскрыв глаза, и их выражение врезалось Аарону в память.

Это была обычная 120-минутная видеокассета фирмы «ТДК» с белым ярлыком по центру – он был наклеен абсолютно ровно, не выходя за пределы отведенного для него пространства. На наклейке кто-то аккуратным почерком вывел фломастером имя заглавными буквами: КИРА.

Вставив кассету в проигрыватель, Грейс включила телевизор. На экране возникли помехи, повсюду заплясали черные и белые крапинки. Из динамиков телевизора «Саньо» исходило шипение, словно в одном фильме ужасов, который Мирен никак не могла выбросить из головы. Грейс прибавила громкость, и Аарон посмотрел на жену, не зная, чего ожидать. Мирен все это совершенно не нравилось, и она собиралась уйти. Ей вспомнились слова ее босса, легендарного Фила Маркса, автора журналистского расследования, освещавшего взрыв грузовика рядом с Северной башней Всемирного торгового центра в 1993 году. Он убеждал ее прекратить заниматься делом Киры: «Я знаю, для журналиста, ведущего расследование, упорство и настойчивость – это необходимые качества, но дело Киры погубит тебя, Мирен. Не занимайся им. Если ты допустишь хоть один промах, навсегда останешься репортером, который ошибся в деле самой разыскиваемой девочки в Америке. Не будь этим журналистом. Ты нужна мне в редакции, чтобы охотиться на коррупционеров и писать истории, которые изменят мир. Ты и так потратила на это слишком много времени».

На экране по-прежнему мерцала рябь, заполняя, будто снег, белыми точками те места, где мгновение назад были черные, а черными – те, где раньше были белые. Мирен как-то прочитала в научно-популярном журнале, что белый шум – это эхо Большого взрыва. Что фоновое микроволновое излучение времен зарождения Вселенной сталкивается с катодно-лучевой трубкой, создающей изображение на экране, порождая эти мерцания, которые так нравились привидениям в фильмах восьмидесятых. Мирен смотрела на этот снег на экране и думала о Кире и о том, какой бы она выросла. Безжизненное и одновременно столь подвижное изображение подталкивало к горьким мыслям, словно хотело вызволить на свет печальные воспоминания, и Мирен поняла, почему Грейс была так расстроена. Она уже открыла было рот, но вдруг рябь на экране сменилась картинкой.

– Кира? – неверяще выдохнул Аарон.

Видео, снятое откуда-то сверху, показывало спальню, обклеенную обоями с узором из оранжевых цветов на темно-синем фоне. У одной стены стояла кровать в стиле девяностых с оранжевым покрывалом в тон цветам на стенах.

Белые тюлевые занавески на окне в центре кадра висели неподвижно: очевидно, на улице стоял ясный, безветренный день. Но самое важное, вызвавшее слезы радости на лицах Аарона и Грейс, таилось в правом нижнем углу, рядом с кукольным домиком, – маленькая темноволосая девочка лет семи-восьми, присев на корточки, играла с куклой.

– Этого не может быть, – прошептала Мирен. Сердце билось в груди так же быстро, как и в ту ночь, что навсегда изменила ее жизнь.

Глава 11

На смену ярчайшему дню порой приходит самая темная ночь.

12 октября 1997. Нью-Йорк

За год до исчезновения Киры

В конце занятий Кристина подскочила к Мирен, которая все еще переписывала с доски, хотя преподаватель архивоведения уже ушел.

– Мирен, ну скажи, что ты пойдешь. У Тома вечеринка и... у меня потрясающая новость.

– Вечеринка? – переспросила девушка неохотно.

– Да. Знаешь, что такое вечеринка?

– Ха-ха.

– Это то, что устраивают ребята в университете и... о, какой сюрприз! Ты тоже принадлежишь к их числу, – шутливым тоном продолжала Кристина, выхватив у Мирен ручку, которой та писала, иногда покусывая кончик.

- Ты же знаешь, я не особенно их люблю.

- Дай мне закончить, - настаивала Кристина. - Том... спрашивал, придешь ли ты. Ты ему нравишься, подружка. Очень нравишься.

Мирен слегка покраснела, и Кристина поняла, что попала в точку.

- Он тебе нравится! Тоже! - закричала она внезапно, затем понизила голос, чтобы остальные ее не услышали.

- Он... симпатичный.

- Симпатичный? Ты хочешь сказать, что этот парень... - Кристина села на стол поверх записей Мирен и указала глазами на Тома Коллинза, - ...симпатичный?

- Ну, он ничего.

- Скажи это. Скажи громко и четко, что ты бы с ним переспала. Хватит этих детских уловок, Мирен. Мы с тобой одинаковые.

Девушка улыбнулась в ответ.

- Я бы никогда в этом не призналась, - сказала она и добавила: - Я бы переспала с ним и ничего бы тебе не сказала.

Кристина разразилась смехом.

- Что ты наденешь на вечеринку? Мы должны встретиться заранее.

- Зачем?

- Ты же не пойдешь в таком виде, в джинсах и кроссовках. Сама понимаешь. Так делают все нормальные девушки, Мирен. Ты немного... странная.

- Странная?

– Короче, я приду к тебе попозже с одеждой. Я купила несколько платьев в «Аутфитерс» – запомни эту марку, я от нее без ума. Уверена, они тебе подойдут. Ты ведь носишь размер S?

– Ээээ... не стоит... Я вполне могу пойти прямо так.

– Я буду у тебя в пять, – с улыбкой добавила Кристина, не обращая внимания на слова подруги. – Мы переоденемся и поедем вместе. Договорились?

Мирен улыбнулась, и Кристина истолковала это как согласие.

Занятия закончились, и девушка отправилась домой, чтобы хоть как-то занять время. Она приняла душ и некоторое время возилась с волосами перед зеркалом, не зная, как их уложить. У нее были темные прямые волосы до лопаток, а в глазах отражалась неуверенность – результат многих лет, которые она провела в роли невидимки в старшей школе в Шарлотте. Там она всегда была заучкой, любимицей учителей, слишком правильной и никому не нужной. Поступив в Колумбийский университет, Мирен попыталась стать более открытой в надежде вписаться в город, чей ритм так сильно отличался от ее собственного, но ей было трудно выбраться из своей скорлупы. Год пролетел быстро, а единственными людьми, с которыми она достигла взаимопонимания, были, как и в школе, преподаватели. Кристина, с первого дня сидевшая рядом с ней, идеально ее уравнивала. Они были очень разными и, возможно, именно поэтому сблизились: в их дуэте Мирен была отличницей, той, у кого всегда наготове правильный ответ. Кристина никогда не отвечала в аудитории и воспринимала задания как шутку, но она вращалась вокруг Мирен с простой целью – всегда знать, что делать, хотя всегда выбирала самый легкий путь. Если нужно было написать статью, Мирен брала конкретную новость или место и строила свою аргументацию с помощью примеров и противоречивых моментов, чтобы читателю было интересно узнать больше. Кристина же, напротив, словно порхала над своими заданиями, не прикасаясь к ним и не желая пачкаться, сообщала о случившемся поверхностно и не вдавалась в подробности, выходящие за рамки произошедшего. Это были два совершенно разных подхода не только к журналистике, но и к любой ситуации вообще. Если хотите чего-то добиться в жизни, у вас два варианта: погрузиться по горло, чтобы с триумфом вынырнуть из трясины, или обойти болото по краю, чтобы не пришлось потом стирать одежду.

Прозвенел звонок, и Мирен подбежала к двери.

– Готова стать классной девчонкой? – спросила Кристина вместо приветствия. Мирен рассмеялась.

– Проходи давай, – ответила она с улыбкой.

Кристина пришла с небольшим чемоданчиком. Бросив его на диван, она открыла застежку, вываливая мешанину блестящих, сверкающих, узорчатых тканей и кожи.

– У тебя есть какая-нибудь музыка? – спросила Кристина, оглядываясь по сторонам.

– Есть диск Стейси Оррико[5 - Стейси Оррико – американская певица, наиболее популярная в 2000-х годах. В своих песнях смешивала христианскую поп-музыку и ар-эн-би.]. Остался от предыдущих жильцов.

– Что за хрень ты слушаешь? Ладно, включай. Сегодня вечером у моей дурочки секс с Томом.

Мирен не знала, как относиться к тому, что Кристина уже воспринимала это как должное. По правде говоря, все это начинало действовать на нервы. Настолько, что она промолчала, подыгрывая Кристине.

Они провели час, примеряя платье, залиvisto смеясь, подкрашивая губы и громко, но нестройно распевая «Walking on sunshine»[6 - Поп-рок песня 1985 года группы «Katrina and the Waves».], и не успела Мирен опомниться, как Кристина обхватила ее сзади за талию и развернула к зеркалу. Теперь она смотрелась на себя, поражаясь перемене в своем облике. Мирен никогда не наносила так много косметики, даже не испытывала такого желания: ей казалось, что прятаться за макияжем – символ слабости, попытка укрыться за искусственным фасадом и не нести ответственности.

– Посмотри на себя, Мирен. Ты прекрасна, – прошептала Кристина.

Мирен откинула волосы и выпрямилась, изумляясь, что видит себя такой. На ней было оранжевое платье без бретелек, которое доходило до середины бедер. Подруга нанесла ей тени на веки с мастерством человека, занимавшимся этим

много лет, и результат был поразительным. Впервые она выглядела привлекательно. Но затем в ней пробудилась ее обычная застенчивость:

– Мне не нравится, когда на мне столько косметики.... Я не чувствую себя... комфортно.

– Это всего лишь румяна и тени для век, Мирен, бога ради. Тебе больше ничего не нужно. Это просто... финальные штрихи.

– Финальные штрихи... – повторила девушка неуверенно.

– Гребаные финальные штрихи! – ликующе закричала Кристина, ее вопли больше походили военный клич. Она стала напевать песню, которую Мирен никогда не слышала.

Они вышли около семи часов вечера и вскоре добрались до современного многоквартирного дома с видом на Гудзон на 139-й улице. В дверях со стаканами, полными выпивки, курили их одноклассники. Из окна высунулся какой-то парень и крикнул, что кто-то, чье имя Мирен не слышала, принял идиотский вызов. Девушки поднялись по лестнице, и незнакомый пьяный парень задышал Мирен на ухо, нашептывая всякие гадости, которые она предпочла проигнорировать.

– Это всегда так?

– Ты о чем?

– Я чувствую, как на меня смотрят.

– Здорово, правда? – ответила Кристина.

Мирен покосилась на нее.

Оказавшись на вечеринке, Кристина сразу пошла здороваться с группой людей, которую Мирен не узнала. В этом не было ничего удивительного. Она никого здесь не знала. Мирен огляделась и заметила девушек на курс старше, которые флиртовали со старшекурсниками. Она фыркнула. Тома, хозяина вечеринки, не

было видно, хотя слышался его смех, громкий и низкий, который, казалось, пронизывал весь дом, несмотря на то что музыка играла намного громче, чем это было допустимо. Мирен уселась на табурете в кухне и делала вид, будто занята стаканами, когда кто-нибудь подходил, чтобы налить напиток или насыпать льда.

Темноволосый, чисто выбритый парень подошел к ней и, улыбаясь во весь рот, предложил ей стакан.

- Дай угадаю, ты Мирен, да?

- Мм... да, - ответила она. Было бы приятно поговорить с кем-то, чтобы не чувствовать себя такой одинокой. - Это Кристина подслала тебя поговорить со мной?

- Понятия не имею, кто такая Кристина, - ответил он с улыбкой.

- Дай угадаю, ты друг Тома. Из его компашки.

- Ух ты, какая ты наблюдательная. Но не совсем.

- Здесь все - друзья Тома. А кто с ним не дружит? Он очень популярен, все девушки хотят быть с ним... ну, ты понял.

- Ну, я знаком с ним с наезда.

- Как это?

- Ладно. Я ехал по улице и сбил его. С тех пор мы дружим...

- Правда, что ли? - Глаза Мирен расширились от недоверия.

- Вообще-то нет, - неожиданно ответил парень и снова улыбнулся. - Понятия не имею, кто такой Том. Меня сюда просто позвали.

Девушка расхохоталась. Понимая, к чему все идет, она огляделась вокруг и не увидела поблизости ни Тома, ни Кристины.

- Неплохая вечеринка. - Мирен попыталась нарушить трехсекундное молчание.

- Это точно. Тост за отличную вечеринку?

Эта пустая фраза показалась ей избитой, и она решила с ним попрощаться.

- Что ж, мне пора. Я не из тех, кто любит...

- Веселиться? - удивился парень, приподняв брови, и в результате стал еще более симпатичным.

- Пить, предпочитаю читать и сидеть дома.

- Напугала. Я изучаю сравнительную литературу. Целыми днями перечитываю великих писателей. Но одно не отменяет другого. Я люблю веселиться. Прямо как Буковски или... да все писатели.

- Ты даже не на факультете журналистики? - Мирен посмотрела на него, довольная тем, что он упомянул имя одного из ее любимых авторов, и добавила: - «Найди то, что ты любишь, и позволь этому убить себя».

- Буковски также сказал: «Некоторые люди не умеют сходить с ума». Наверное, у них ужасно скучная жизнь, - улыбнулся парень. - Я Роберт, - он чокнулся со стаканом Мирен, который стоял на кухонной стойке.

- Я Мирен. Приятно познакомиться, - ответила она, улыбаясь и беря стакан.

Глава 12

Воображение прячется в повседневности, и, как только ему надоест, оно искрой вырывается наружу, меняя все вокруг.

Мирен Триггс

1998

Я принялась изучать файлы, приложенные к электронным письмам профессора Шмоера. Там были не только записи с камер, но и документы: заявление, подписанное отцом, Аароном Темплтоном, и расшифровка вызова в службу спасения. Все это выглядело как часть полицейского расследования, но, возможно, «Дэйли» удалось раздобыть все это по своим каналам.

Видеофайлы были озаглавлены кодом, который явно указывал на улицу, номер и время. Например, первый файл назывался BRDWY_36_1139.avi. Это пересечение Бродвея и 36-й улицы, недалеко от Геральд-сквер и места окончания парада в День благодарения. Другой назывался 35W_100_1210.avi, обозначая 35-ю Западную улицу и дом 100.

Я включила первое видео, не совсем понимая, что увижу и что искать. По сообщениям, Кира пропала около 11.45 в районе пересечения Бродвея и 36-й улицы, так что если нумерация файлов верна, это случилось через несколько минут после начала записи.

Сперва я увидела зонтики. Сотни зонтов, повсюду. Я не помнила, шел ли в тот день дождь, но это сильно затрудняло съемку с камер наблюдения.

Видео было снято с точки на несколько метров выше зонтов, под которыми люди ждали парада. Их было так много, что картинка напоминала яркий ковер, который покачивался и колыхался кадр за кадром, а вдали угадывались пряничные человечки, шествующие по центру улицы. По другую сторону процессии за серой металлической оградой стояли люди в плащах и с зонтиками. Над ними возвышалось здание Хайер-билдинг, и я без труда сориентировалась. Камера снимала сцену, делая фотографии каждые две секунды, поэтому между кадрами были большие промежутки.

В центре среди черных зонтов выделялся неподвижный светлый зонт в непосредственной близости от камеры. Я несколько раз перематывала видео

вперед, чтобы убедиться, что вся запись такая. Единственное изменение – цветовая композиция искусственного ковра, а пряничные человечки сменились мажоретками. Я искала Мэри Поппинс, раздающую воздушные шарики на углу 36-й улицы, но камера не захватывала этот участок.

Мое внимание привлекала мажоретка, которая подошла к ограждению, расположенному ближе всего к камере, и задержалась там на несколько секунд, как бы маша рукой человеку с белым зонтиком. Я просмотрела все шесть минут записи, вглядываясь в происходящее, насколько позволяла камера: жесты, изменения в положении зонтов, скорость, с которой они двигались, но ничего примечательного не происходило. Затем между ними неожиданно пробежал человек – туда, где за несколько минут до этого остановилась мажоретка. Затем зонт исчез, по-видимому упав на землю в промежутке между кадрами, и я увидела лицо Грейс Темплтон, матери Киры.

Изображение было не особенно четким, но на ее лице угадывалось неверие. На следующем кадре ему на смену пришел ужас. Рядом показался Аарон Темплтон, который словно что-то говорил ей. Затем они оба появились в нескольких метрах справа, между двумя зелеными зонтиками, а потом и вовсе исчезли за пределами видимости камеры.

Внутри меня все сжалось. Я представить не могла, что они чувствовали в тот момент. Потом на всякий случай снова просмотрела эти моменты, но ничего нового не обнаружила.

Открыв pdf-документ, я поняла, что это отчет о поступлении Грейс Темплтон в больницу Белвью. По всей видимости, у нее случился острый приступ панической атаки, и ее привезли туда на «Скорой». Время поступления – 12.50, вскоре после исчезновения Киры. Там был указан ее номер социального страхования, адрес в Дайкер-Хайтс и телефон контактного лица, Аарона.

Я выписала названия остальных видеофайлов на листке бумаги и огляделась в поисках карты города. Отыскав ее наконец, отметила точные места, откуда велась запись с камер наблюдения. Они все сосредоточились на 35-й улице: здесь было с десятков видео с разных частей улицы за несколько минут до и после пропажи девочки. Все указывало на то, что расследование продвигается в этом районе, и я обвела всю улицу на карте.

Мое внимание привлек документ с расширением jpg, прикрепленный к письмам, и только несколько секунд спустя я осознала, на что именно смотрю.

Это была фотография кучи одежды на бежевом мраморном полу. Поверх виднелись небольшие пряди темных волос. Изображение встревожило меня: неужели тело найдено, но пресса еще не в курсе? Было ли в расследовании нечто, о чем не сообщали публично? В те годы нездорового интереса к подобным вещам было гораздо меньше, чем сейчас. Просочившаяся в газеты информация всегда была обоснованной и публиковалась для помощи расследованию, но эта реальность должна была вот-вот измениться навсегда. Дело Киры стало краеугольным камнем, на котором будет строиться журналистика следующих нескольких лет, и колесо было приведено в движение тем самым выпуском «Пресс», лежавшим рядом с моим компьютером. Фотография на первой полосе то и дело притягивала мой взгляд, и, казалось, будто Кира смотрит на меня в ответ и шепчет:

– Тебе меня не отыскать.

Следующие несколько часов я провела за просмотром и анализом видео с камер, но зацепок не обнаружила. Правда, имевшиеся у меня данные едва ли могли дать какие-либо подсказки или пролить свет на дело. Похоже, материалы, которые переслал профессор Шмоер, были направлены на отвлечение внимание или что человек в полиции, который передал пакет информации в «Дэйли», приберег сенсацию на потом.

Уже было почти три часа ночи. Я пометила крестиком и вычеркнула те точки на карте, где камеры не давали никаких подсказок. Например, там были записи из двух мини-маркетов, где было видно только, как люди проходят мимо витрин. Я также посмотрела съемку внутри супермаркета, где ничего значимого не происходило, и из пиццерии «Пронто пицца», которая недавно открылась на углу Бродвея и 36-й улицы.

Один из видеофайлов был сохранен в другом формате. Его название, CAM_4_34_PENN.avi, мне ни о чем не говорило. Я не сразу разобралась в происходящем: кадры здесь сменялись плавнее, чем на предыдущих видео, но качество изображения было куда хуже. Фокус казался смазанным, что придавало записи полупрозрачную дымку, сквозь которую трудно было пробиться. Черно-белая сцена показывала платформу станции метро, где несколько человек ожидали прибытия поезда. Видео длилось всего две минуты

сорок пять секунд, и едва ли такая короткая съемка чем-то могла мне помочь. Какая-то женщина в колпаке Санта-Клауса стояла у одной из железных колонн, на заднем плане беседовала пара мужчин в костюмах, бездомный лежал на скамейке в трех колоннах от женщины. Здесь были и другие пассажиры, но камере удалось запечатлеть только их ноги в верхнем углу кадра.

Внезапно появился поезд, и камеру затрясло, пока он не остановился. В этот момент в зоне видимости появилась пара средних лет с маленьким ребенком, одетым в белые брюки и темное пальто. Я насчитала шестнадцать человек, выходящих из вагона в центре кадра. Следом пара с ребенком и остальные пассажиры вошли в вагон. Вскоре поезд отъехал от станции, люди исчезли, и на платформе остался только бездомный, смотревший в пустоту, будто ничего не произошло.

Глава 13

Только потеряв кусочек, понимаешь, что головоломка больше не имеет смысла.

26 ноября 1998

Следующие несколько часов Аарон прочесывал округу, ища Киру повсюду. Если ему встречалась семья с маленьким ребенком, он подбегал к ним в надежде снова увидеть дочь. Свидетели позже рассказывали полиции, что видели, как Аарон в отчаянии выкрикивает имя Киры снова и снова, но город не отвечал на мольбы. Сотрудники департамента полиции Нью-Йорка также обыскивали каждый уголок, ползали по земле, заглядывали под машины, заходили в подъезды – вдруг она сидит одна-одинешенька на лестничной клетке? Но шли часы, наступала ночь, лампочки и фонари загорались, чтобы противостоять тьме в сердце Аарона, чей голос превратился теперь в едва слышный душераздирающий шепот.

В час ночи полицейский обнаружил Аарона на пересечении 42-й и Седьмой улиц – тот лежал рядом с пожарным гидрантом и безутешно рыдал. Мужчина не знал, где еще искать. Он пробежал, не замолкая ни на минуту, с востока на запад от

28-й до 42-й улицы. То и дело возвращался на середину дороги – перекресток 36-й улицы, где все и произошло. Обыскивал окружающие парки, он выкрикивал имя Киры на станциях метро, молил бога, в которого не верил, и заключал договоры с демонами, которых даже не существовало. Ничего не сработало, как и всегда в реальном мире, где жизни обрываются, а мечты рушатся без предупреждения.

Репортер «Си-би-эс», снимавший трансляцию парада «Мэйсис», перехватил сигнал тревоги по полицейскому радио и снял, как Аарон в исступлении носится из стороны в сторону. На следующий день эта нарезка использовалась для открытия утренних новостей, где ведущая бесстрастным механическим голосом сообщила: «Со вчерашнего дня продолжаются поиски трехлетней Киры Темплтон, которая пропала во время парада в День благодарения в центре Манхэттена. Если вы что-то видели или у вас есть информация, пожалуйста, свяжитесь со службой «ЭМБЕР Алерт» для поиска пропавших детей, номер которой вы видите на экране». Затем, не меняя ни тона, ни выражения лица, она перешла к новости о пробке на Бруклинском мосту из-за строительных работ на другом берегу Ист-Ривер. В этот момент редакции всех городских СМИ бросились искать изображения измученного отца, приводя в движение механизм сенсации.

Аарон посмотрел на мобильный телефон, который громко звонил, пробиваясь сквозь его горе, и увидел несколько пропущенных звонков с неизвестного номера, пока полицейский помогал ему подняться на ноги.

– Да?

– Я звоню из больницы Белвью. Нам пришлось доставить сюда вашу жену, чтобы проконтролировать приступ. Она стабильна уже несколько часов и просит выписать ее. Сэр? Вы меня слышите?

Аарон перестал его слушать еще на первой фразе. Перед ним стоял тот самый полицейский, который показал ему одежду Киры в подъезде дома номер 225, и, хотя он не мог вспомнить его имени, печальный взгляд и серьезное выражение лица разрушили все надежды. Алистер покачал головой, и Аарон расшифровал это как самое горькое сообщение, которое он только мог получить.

Он зарыдал.

Аарон рыдал, пока сотрудники полиции не подвели его к машине с включенной сиреной и не усадили внутрь. Они предложили отвезти его в больницу к жене и пообещали, что все свободные подразделения продолжат прочесывать местность в поисках Киры. По дороге в больницу мужчина не мог вымолвить ни слова и вглядывался в тени на улице, надеясь увидеть свою дочь на каждом перекрестке. Когда они приехали, его молча провели через больницу, и на другом конце длинного коридора с белым полом и стенами в ожидании с серьезным видом стояла Грейс, но, увидев мужа, она поняла, что Киры рядом с ним нет. Женщина бросилась к Аарону, крича «моя малышка, моя малышка!», и ее вопли разнеслись эхом по зданию, как это бывает только при самых плохих новостях. Плач матери навсегда остался в памяти медсестер, пациентов и врачей, которые оказывали ей помощь. Люди здесь привыкли к смерти, к борьбе с болезнью, к тому, как по капле утекает жизнь, но не к этому крику безысходности, не к тому, как надежда в одно мгновение сменяется отчаянием. Подбежав к Аарону, Грейс замолотила по его груди, и он молча сносил ее удары, не чувствуя боли, потому что уже чувствовал себя мертвым, уже опустился на самое дно, и ждал с залитым слезами лицом, пока не иссякнут крики и обвинения жены.

Глава 14

Зачастую надежде довольно соломинки.

27 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Грейс, Аарон и Мирен с нетерпением ждали прибытия агента Бенджамин Миллера – тот возглавлял расследование в 1998 году, когда исчезла Кира. Он приехал через два часа после того, как Аарон несколько раз позвонил ему по единственному сохранившемуся номеру, и секретарша несколько минут держала его на линии, а затем прервала звонок, так ни с кем и не соединив, пока играла утомительная мелодия. Только когда он позвонил в пятый раз, секретарша наконец-то внимательно выслушала Аарона:

– Кира! Она жива! Соедините меня с агентом Миллером, пожалуйста. Кира в порядке!

– Прошу прощения?

– Кира Темплтон, моя дочь, жива! – снова крикнул он в трубку.

– Видите ли, мистер Темплтон, мы не можем вернуться к вашему делу в данный момент... Нет ничего нового, и агент Миллер ясно дал понять, что он не готов разговаривать, пока не появятся новые улики. Вы каждый год звоните нам на День благодарения под каким-нибудь предлогом. Вам нужна помощь специалиста.

– Вы не понимаете... Кира жива! Мы видели ее! На видео! Они прислали нам кассету. Она жива!

Помолчав, секретарша отрывисто ответила:

– Секунду, пожалуйста.

Через несколько мгновений на другом конце раздался глубокий, надтреснутый голос:

– Мистер Темплтон, это вы?

– Агент Миллер, слава богу. Вы должны приехать. Кто-то оставил у дома посылку с видеокассетой, а на ней – Кира.

– Новая запись с камеры наблюдения? У нас было несколько записей, сделанных после ее исчезновения, и ни одна из них не дала зацепок.

– Нет. Это не запись с улиц. Это домашнее видео. И это Кира. Сейчас. Ей восемь лет. Она играет в комнате.

– Прошу прощения?

– Кира жива, агент Миллер. Она никогда не умирала. Кира жива! – восторженно крикнул Аарон.

– Вы в этом уверены? – Тот явно колебался.

– Это она. Я в этом не сомневаюсь.

– Ваша жена тоже так думает? Это она?

– Вы должны увидеть запись лично.

– Уже еду. Ждите там и больше не трогайте ее. Возможно... возможно, там есть что-то еще.

* * *

Пока они ждали Миллера, Грейс постоянно улыбалась и плакала от счастья при мысли о том, как Кира спокойно играет в комнате. Аарон сидел за кухонным столом, уставившись в пустоту, и время от времени его лицо озаряла радость. Но на Мирен это видео произвело ошеломляющее впечатление. Она потратила столько времени, анализируя улики, опрашивая людей и просматривая полицейский отчет, насчитывающий более двух тысяч страниц, и ничего не нашла, а теперь простой образ играющей девочки грозил ее выдержке.

Видео длилось буквально минуту, и на нем подросток Кира сначала поиграла с куклой в деревянном домике, затем встала и положила игрушку на кровать. После некоторого колебания она подошла к двери и приложила к ней ухо. На ней было оранжевое платье до колен. Могло показаться, будто изображение застыло, но секунды продолжали отсчет. На тридцать пятой Кира как ни в чем не бывало отошла от двери и подбежала к окну. Затем она отодвинула белую тюлевую занавеску и посмотрела на что-то за пределами кадра.

Как только таймер дошел до пятидесяти седьмой секунды, девочка подошла обратно к кровати и несколько мгновений безучастно смотрела в камеру. Но не успела она протянуть руку, чтобы взять куклу, которую оставила на покрывале, проигрыватель выплюнул кассету, и экран снова показал снежную рябь, наполняя мир семьи Темплтон белым шумом.

– Вы уверены, что это она? – спросила Мирен, зная ответ. Она видела сотни фотографий Киры в различных семейных альбомах, и сходство было неоспоримым, несмотря на разницу в возрасте, ведь девочка исчезла, когда ей было всего три года.

– Это Кира, Мирен. Разве ты не видишь? Посмотри на ее лицо... ради бога... Я смогу узнать свою дочь, даже если пройдет пятьдесят лет. Это наша дочь!

– Я просто хочу сказать, что качество записи оставляет желать лучшего. Может, нам стоит...

– Это она! Ясно?! – яростно прервала ее Грейс.

Мирен кивнула, как будто ее слова были неопровержимы, и вышла наружу. Она закурила сигарету и поняла, что уже наступила ночь. Вынув телефон из кармана пиджака, девушка позвонила в редакцию – нужно было извиниться за то, что она не вернулась вовремя и не успела закончить статью.

Между тем на улице несколько семей развешивали рождественские гирлянды на крышах домов. Мирен подумала, что Темплтонам наверняка было тяжело видеть, как Рождество с его безудержным счастьем и традиционными посиделками сжимается вокруг них кольцом из тысячи огоньков, невольно подчеркивая темноту. В мире света сумеречная область – это знак. Дом Темплтонов единственный не присоединился к причудливой трате электричества, и невооруженным глазом было видно, что здесь экономят на садовниках. Газон высох, тут и там проглядывала земля. Мирен вспомнила, как впервые побывала здесь: это случилось вскоре после того, как она начала самостоятельно расследовать исчезновение Киры, и первым, что тогда привлекло ее внимание, была великолепная лужайка. Здесь явно жили обеспеченные люди – у входа был припаркован дорогой автомобиль, а картину идеальной семьи довершал почтовый ящик с флажком. Однако теперь все это рассеялось как дым, горе завладело каждым уголком, окрасив в серый цвет не только фасад, сад и окна, но и души всех, кто ступал на порог дома.

* * *

В конце концов вдали показался серый «Понтиак» с включенными фарами, и из машины вышел мужчина лет пятидесяти, одетый в костюм, зеленый галстук и серый плащ.

- Не могу сказать, что рад встрече, - произнес агент Миллер вместо приветствия.

В ответ Мирен вздернула бровь и бросила окурок на землю.

- Это правда? - спросил агент, прежде чем войти.

- Похоже на то, - сухо ответила девушка.

Им навстречу вышел Аарон.

- Спасибо, что приехали, агент, - начал он отчаянным голосом.

- У жены индейка в духовке. Надеюсь, это что-то серьезное, - заявил Миллер, давая понять, что задерживаться не собирается.

Грейс ждала на кухне, ее глаза покраснели от слез. Они вошли в дом, и агент обнял ее.

- Как ваши дела, миссис Темплтон?

- Вам нужно посмотреть эту запись, агент. Это Кира. Она жива.

- Кто дал вам эту кассету?

- Она лежала в почтовом ящике, в конверте. - Грейс указала на конверт на столе, и Миллер разглядел, не прикасаясь, выведенную на нем фломастером цифру один.

- Вы его трогали?

Грейс кивнула и поднесла руки к губам.

- Где кассета?

- В плеере.

Видеокассета выступала на несколько сантиметров из щели проигрывателя, обнажив черный прямоугольник, где обычно размещалась наклейка с названием. Белый шум на экране отражался в глазах всех присутствующих.

Вынув ручку из кармана пиджака, полицейский подтолкнул кассету внутрь. Грейс присела рядом и нажала на кнопку перемотки. Несколько секунд спустя раздался щелчок, и на экране вновь возникла ни о чем не подозревающая восьмилетняя Кира - она поиграла с куклой, оставила ее на кровати, подкралась к двери, посмотрела в окно. Девочка снова обернулась к камере, изображение прервалось, и проигрыватель выплюнул кассету, как будто ничего и не было.

- Это она? - с волнением спросил Миллер. - Вы ее действительно узнали?

Грейс кивнула, дрожа. В ее глазах стояли слезы, готовые вот-вот пролиться вновь.

- Вы уверены?

- Мы уверены. Это Кира.

Миллер вздохнул и сел. Немного поколебавшись, он продолжил:

- Это не должно уйти в печать, - агент повернулся к Мирен, стоявшей в проеме кухонной двери. - Нельзя снова превращать это в цирк.

- Даю вам слово, - ответила девушка, - но только если вы возобновите дело.

- Возобновлю? Пока рано говорить. Это просто видео с девочкой, которая... давайте начистоту, это может быть любая девочка, отдаленно похожая на вашу дочь.

- Вы серьезно?

– Я не могу тратить на это ресурсы, мистер Темплтон. Все это неубедительно. Кассета, появившаяся из воздуха пять лет спустя... Да меня просто-напросто засмеют в ФБР. Вы знаете, сколько детей пропадает ежегодно? Знаете, сколько дел у нас открыто?

– Агент Миллер, будь это ваша дочь, как бы вы поступили? Скажите, что бы вы сделали? – громко спросил Аарон. – Просто ответьте. Если б какой-то подонок похитил вашу трехлетнюю дочь, а годы спустя, в день ее рождения, вы получили бы видео, где она играет как ни в чем не бывало, что бы вы почувствовали? Когда у вас отняли самое ценное на свете, а потом, много лет спустя, показали, как хорошо ей без вас живется!

Миллер ничего на это не ответил.

– Все, что у нас есть, – это запись и ваше заявление о том, что на видео ваша дочь. Мне будет чертовски трудно убедить начальство. Я не могу ничего обещать.

– Это Кира, агент, – отрезала Мирен. – Вы прекрасно знаете, что это правда.

– Почему вы так уверены?

– Потому что каждое утро, открыв глаза, я вижу перед собой ее лицо.

Глава 15

Правда более неуловима, чем обман, но она бьет сильнее, стоит лишь потерять бдительность.

Мирен Триггс

1998

На следующее утро будильник зазвонил раньше, чем требовалось моему телу. Я поздно легла спать, просматривая файлы, которые прислал мне профессор Шмоер, и на завтрак мне пришлось довольствоваться ванильным кофе из «Старбакса». Затем я зашла в магазин мобильных телефонов и оплатила картой черный «Nokia 5110», который был буквально у всех, с абонементом, включающим пятьдесят текстовых сообщений и шестьдесят минут звонков бесплатно. Потом направилась к зданию суда, освещенному ярким солнцем. Погода была прекрасной, а при входе дружелюбный полицейский попросил оставить телефон в лотке.

– Мобильные запрещены, – сказал он и забрал мой новый источник контакта с миром, которому было от силы пятнадцать минут.

– Досье, которое я запросила несколько недель назад, готово? – спросила я у секретаря. Завидев меня, та чертыхнулась. Это была афроамериканка лет сорока, поразительно похожая на мать Стива Аркела из сериала «Дела семейные».

– Снова вы?

– Вообще-то это мое право. Согласно Закону Меган, правоохранительные органы штата обязаны обнародовать данные о лицах, совершивших преступления сексуального характера, включая их место жительства и актуальную фотографию.

– У нас пока нет веб-страницы. Ну, знаете? В интернете. То, о чем все говорят.

– Две недели назад вы сказали мне то же самое. Вы не можете отказать мне в моем праве. Это федеральный закон, вы в курсе?

– Мы работаем над этим. Честное слово. Просто объем очень большой.

– Насколько большой?

– Вы и представить не можете. – Она раскинула руки.

– Могу я посмотреть лично?

- На реестр сексуальных преступников? Ни за что.

- Эти данные обязаны быть публичными, сколько раз мне это повторять?

- Ну ладно, я сейчас уточню, - сдалась женщина. - Подождите здесь, пожалуйста.

Секретарь ненадолго вышла в коридор, а я вернулась ко входу и позвонила маме, чтобы она записала мой номер. Но трубку никто не взял, так что я снова оставила телефон и вернулась к секретарю.

- Мисс? Пожалуйста, пойдите со мной. Я отведу вас в архив.

Через несколько минут мы спустились в подвал, и мужчина в галстуке и рубашке с короткими рукавами, читавший газету, посмотрел на нас так, словно не ожидал посетителей.

- Доброе утро, Пол. Как дела? Я тут привела к тебе девушку, которая... короче, она по поводу Закона Меган.

- Сексуальные преступники? Этих у нас полно. Мы оцифровываем архив, но... это же данные за тридцать лет. Работы по уши.

Я подняла руку и сопроводила жест притворной улыбкой.

- Ну что же, подпишите здесь и здесь, - сказал он. - Это документ, где говорится, что вы обязуетесь не использовать собранную вами информацию для причинения вреда, преследования или самосуда, а иначе понесете соответствующее наказание.

- Разумеется, само собой. Даже у преступников есть права.

Пол провел меня по длинному, выложенному плиткой коридору в свете флуоресцентных ламп и остановился перед одной из дверей.

– Здесь у нас хранится все, что мы оцифровываем. Данные о правонарушителях всех трех уровней риска. – Он открыл дверь, демонстрируя гигантский лабиринт металлических стеллажей, забитых картонными коробками. – В интернете будет немного меньше информации, но это то, с чем мы работаем сейчас. Возможно, через пару лет мы сможем привести все в порядок, но... скоро Рождество, и... кому охота сидеть за монитором и вбивать досье?

– Все это? Вы шутите?

Мужчина покачал головой и поджал губы.

– На этих трех стеллажах – дела с 1970-х до начала 1980-х годов. Два других охватывают по пять лет. В общем, все интуитивно понятно. Коробки с желтыми наклейками – третий уровень, самые опасные преступники. Насильники, убийцы, педофилы-рецидивисты. Все остальное... более легкие преступления.

Я сглотнула.

Несколькими годами ранее семилетнюю Меган Канка изнасиловал и убил ее сосед, педофил-рецидивист. Родители Меган утверждали, что если бы они знали правду об их соседе, то не позволили бы ей играть одной вблизи его дома. Случившееся повергло страну в шок, и вскоре, не без сопротивления, был принят федеральный закон, обязывающий власти обнародовать список освобожденных сексуальных преступников, включая их фотографии, текущие адреса и профили жертв, чтобы информировать общественность, если кто-то из сограждан представляет потенциальную опасность. Идея была в том, чтобы знать, кто твой сосед. Но в Нью-Йорке закон еще не заработал в полную силу, и для создания публичного и легкодоступного реестра требовалось время. Пока же вместо него была комната с множеством досье, которые можно было изучать часами.

– Если вам что-то понадобится, не стесняйтесь, зовите. Я буду за столом у входа.

Пол закрыл дверь, и я осталась одна в окружении коробок, пахнущих сексуальным насилием.

Взяв первую коробку, я удивилась ее тяжести. Кажется, в ней было не менее двухсот папок из желтого картона. Меня замутило, едва я вытащила первое дело. На снимке в верхнем углу был изображен белый мужчина лет шестидесяти

с пустым взглядом и трехдневной щетиной. Досье представляло собой типовую форму, заполненную вручную. Взгляд метнулся к графе «Осужден за»: надругательство над ребенком в возрасте до шести лет.

Я закрыла досье и перешла к другому. Это все было не то, и мне не хотелось задумываться о том, что бы я сделала с этим ублюдком. Несколько часов подряд я листала досье, просматривая фотографии и читая описания. Страна прогнила насквозь. Вернее, мужчины прогнили. Из почти пятисот досье только шесть принадлежало женщинам. Разумеется, то, что сотворили эти шесть женщин, вызвало у меня такое же отвращение, как и злодеяния, совершенные мужчинами, но стало ясно: половые преступления – мужская привилегия. У некоторых послужной список с годами разрастался: растление, жестокое обращение, изнасилование и изнасилование с последующим убийством. Другие проявляли патологические черты: нездоровую фиксацию на определенном типе девочек – одинаковые волосы, один рост, один возраст, и склонности эти только усиливались после освобождения из тюрьмы за первые преступления, совершенные двадцать или тридцать лет назад. Но больше всего меня потрясли преступления – а их было большинство – где виновный и жертва были из одной семьи. В досье подробно описывался виктимологический портрет потерпевших, и нередко там можно было прочесть, что речь шла о потерпевших «первой и второй степени родства».

– Вот же твари, – бросила я вслух.

Я вышла, чтобы спросить у Пола, до скольких можно остаться. Мне требовалось гораздо больше времени, чем предполагалось, и он ответил, что я могу поработать до шести. Я решила перекусить рядом со зданием суда и в ожидании заказа позвонила по второму, и последнему, известному мне номеру со своего новенького мобильного:

– Кто говорит? – Профессор Шмоер ответил на звонок.

– Профессор, меня слышно? Это Мирен.

– Мирен, ты видела то, что я прислал?

– Да... ну, пока не все. Но... спасибо.

– Я решил, свежий взгляд не помешает. И твой в особенности. У тебя свое видение. Возможно, это еще не конец истории.

– Спасибо, профессор. Еще не конец?

– Откуда ты звонишь? Тебя еле слышно.

– Со своего нового мобильного.

– Отвратительная слышимость.

– Супер. Я отдала за него больше двухсот долларов. Обожаю выбрасывать деньги на ветер.

Он помолчал и продолжил серьезным тоном:

– Ты, наверное, звонишь насчет новостей.

– Я еще не видела газету. Вы опубликовали звонок в службу спасения?

– Да... но никто не стал читать.

– Что?

– Никто... не прочел. Всем плевать на звонок, Мирен. Это уже никого не интересует, – продолжил Шмоер под шум машин на заднем плане. Должно быть, он был на улице. – Дело прошлое. «Пресс»... стой, ты что, не слышала? В каком мире ты живешь?

– Я в суде по личному делу, – начала оправдываться я.

– Что за личное дело? Предстоит какое-то слушание? Поймали кого-то из тех, кто сотворил... это? Могла бы предупредить меня, я бы пошел с тобой.

– Нет, нет. Я просто роюсь в архивах.

Вздыхнув, Шмоер с сожалением добавил:

- Хорошо... Если тебе понадобится помощь, дай знать. Договорились, Мирен?

- Ладно, но у меня правда все хорошо, - солгала я.

- Хорошо. Но ты в самом деле ничего не знаешь?

- О чем?

- Посмотри сегодняшний выпуск «Пресс». Это потрясающе. Не знаю, как они это делают, но...

- Что такое?

Мне было не по себе. Вся эта таинственность действовала мне на нервы.

- Прочитай первую полосу «Пресс», а потом позвони мне. - Он повесил трубку.

- Что случилось? - спросила я, но на другом конце уже никого не было.

* * *

Я спросила у официанта, но свежего экземпляра «Манхэттен пресс» в ресторане не нашлось. Прежде чем отложить телефон, снова позвонила родителям, но не дозвонилась. Что имел в виду профессор Шмоер?

Мне наконец-то принесли заказ - спагетти карбонара, которые стоили всего семь долларов и девяносто пять центов, включая напиток, - я поспешно проглотила еду, чтобы поскорее выйти и купить газету. Ресторанчик представлял собой обшарпанное заведение с зеркальными стенами, и основными клиентами здесь были правонарушители и их семьи, проводившие утро в суде. Посмотрев на соседнюю стену, я увидела лицо Киры в отражении телевизора. Тогда я перевела взгляд на другую стену, но так и не поняла, где в лабиринте зеркал находится настоящий экран.

– Можно ли сделать погромче? – попросила я официанта.

Через несколько секунд снимок Киры сменился изображением мужчины – белый, волосы с проседью, на вид лет пятьдесят, серьезное выражение лица. Я никогда раньше его не видела, но бегущая справа налево в отражении строка гласила: «ЗАДЕРЖАН ГЛАВНЫЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ».

К тому времени как официант наконец прибавил громкость, ведущий закончил фразу, а затем перешел к другой теме.

«...женат, двое детей, главный подозреваемый в похищении малышки Киры Темплтон задержан и заключен под стражу».

Глава 16

Говорить о боли – признак силы, не говорить о ней – признак мужества, потому что, когда ты молчишь, она остается внутри, сражаясь против тебя.

12 октября 1997. Нью-Йорк

За год до исчезновения Киры

Мирен понятия не имела, как это случилось, но в следующее мгновение она уже целовалась с Робертом на скамейке в парке Морнингсайд рядом с уличным фонарем, у которого вот-вот грозила перегореть лампочка. В голове шумело.

– Стоп... пожалуйста, – прошептала она, едва соображая.

– Поздно играть в недотрогу.

Роберт продолжал целовать ее, и она закрыла глаза, чтобы не стошнило. Перед глазами все кружилось, и она пыталась сфокусироваться на чем-то помимо

вспышек фонаря, которые периодически освещали тень парня над ней. Она не помнила, как напилась до такого состояния. Возможно, просто не привыкла к алкоголю, поскольку никогда раньше не пила, но ощущение было очень неприятным.

- Пожалуйста, ХВАТИТ! – крикнула девушка, отталкивая его.

- Ты с ума сошла?

- Я не могу... Я плохо себя чувствую, – пробормотала она.

Внезапно Мирен ощутила холодный нью-йоркский воздух на своих бедрах и, посмотрев вниз, с ужасом обнаружила, что ее платье задрано до живота, а с одной ноги свисают порванные трусики.

- Прошу тебя... хватит, – взмолилась она. Но Роберт, не обращая никакого внимания, засунул длинные пальцы ей между ног. Мирен пыталась сопротивляться, но силы оттолкнуть его не было, и он продолжил энергичные движения рукой.

Вдалеке послышался мужской голос. Точнее, не один, а несколько перемежающихся, и Мирен закричала, едва соображая. Тогда она еще не знала, что это был ее худший выбор.

Послышались голоса, раздались чьи-то смешки, несколько мужских теней отделились от темноты, которая наступала каждые две секунды, когда гас фонарь. Девушка услышала, как Роберт с кем-то ругается. В следующее мгновение он валялся без сознания на земле с залитым кровью лицом. Перед ней стояло трое парней, и только их ухмылки светились в ночи. Расстегнулась одна ширинка. Затем другая. Потом еще одна – а может быть, все та же.

Мирен закрыла глаза и зарыдала, мечтая, чтобы это поскорее закончилось. Когда-то она читала об Эйнштейне и о том, что время относительно. И это действительно так – относительно того, как сильно ты страдаешь.

Через какое-то время – она так никогда и не смогла подсчитать, сколько точно прошло, – девушка очнулась в темном парке. Ее терзала боль, платье на груди

было разорвано. Помада размазалась, а тени для век, которые нанесла Кристина, потекли от слез, придавая ей самый печальный в Нью-Йорке вид. Лампочка перегорела, и дальше пары метров ничего не было видно. Мирен ощупала землю и в конце концов нашла сумочку, но внутри были только ключи. Ее трясло от холода. В тот день с запада дул ледяной ветер, и она вспомнила, что пришла на вечеринку в меховом пальто, но его нигде не было видно. Обхватив руками тело, попыталась идти. Стало ясно, что одна туфля потерялась, и она сняла вторую, инстинктивно сжав ее, будто оружие. Каждая клеточка в теле болела. В пояснице что-то хрустело каждый раз, когда Мирен опиралась на правую ногу. Колени были в синяках, в паху все горело огнем. Она зарыдала.

Несколько минут девушка шла в кромешной темноте, пока наконец не оказалась на тротуаре Морнингсайд-авеню у пересечения с 116-й улицей. Она была недалеко от дома. Посмотрела на запястье, но часы украли. Заглянула в сумочку и обнаружила, что кошелек также пропал.

Рядом раздался сочувственный мужской голос:

– Все в порядке, сестра? Что с тобой приключилось?

Не успев даже понять, откуда он доносится, Мирен швырнула туфлю на землю и бросилась бежать. Она была напугана, будто кролик, услышавший выстрел охотника и боящийся, что следующий выстрел положит ему конец. Девушка бежала босиком, оглядываясь по сторонам, а оказавшись возле дома, ощутила во рту вкус крови. Держась за перила, она поднялась по лестнице и почувствовала, как по ее бедру течет тонкая теплая струя. Опустив глаза, она поняла, что это кровь. Мирен снова заплакала, почти беззвучно, из страха, что ее найдут, что кто-то еще увидит в таком состоянии и присоединится к пиршеству над телом, которое, казалось, было разбито на тысячу осколков.

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы вставить ключ в замок. Руки тряслись, и брелок звенел, будто колокольчик, привлекающий новых охотников. Она сглотнула и, попав наконец внутрь, заперлась и прислонилась к двери, крича снова и снова, изо всех сил, что у нее еще остались.

Оглянувшись, Мирен увидела телефон на прикроватной тумбочке рядом с диваном. Непрерывно плача и рыдая, она доползла до него и приложила трубку к уху. Через несколько секунд на другом конце раздался сонный женский голос:

– Алло? Кто звонит в такой час?

– Помоги мне, мама, – прошептала она, всхлипывая.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Парад «Мейсис» – один из ежегодных, крупнейших в мире парадов, проводимый в Нью-Йорке в честь Дня благодарения.

2

NSYNC – американский бой-бэнд, в который входили Джастин Тимберлейк, Джей Си Шазе, Крис Киркпатрик, Джоуи Фатон и Лэнс Бас.

3

Мажоретки – девушки в военной или подобной военной форме, участвующие в парадах.

4

34 дюйма – 86 сантиметров.

5

Стейси Оррико – американская певица, наиболее популярная в 2000-х годах. В своих песнях смешивала христианскую поп-музыку и ар-эн-би.

6

Поп-рок песня 1985 года группы «Katrina and the Waves».

Купить: https://tellnovel.me/kastil-o_hav-er/snezhnaya-devochka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)